

БОЯРЬ-АНИМЕ

Владимир Матвеев

КАРАКАЛ

Владимир Матвеев
Каракал
Серия «Боярь-аниме (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23558148
Каракал/ Владимир Матвеев: АСТ; Москва; 2017
ISBN 978-5-17-103986-8

Аннотация

Он всегда считал себя Матвеем Хантовым. У него был дом, семья и страна, которой он служил. Но как оказалось, на Земле он был всего лишь гостем. Пришло время, и родной мир позвал Мат'Эвэя назад. Как он встретит бывшего офицера? Для чего парень понадобился ему? Какие испытания приготовила Матвею судьба? Сможет ли он с честью их выдержать? Время покажет. Главное – оставаться собой.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	42
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Владимир Матвеев

Каракал

Пролог

Этот выход в Сумеречные Земли для Вагарда Томкару не задался с самого начала. А он, выход, как-никак должен был стать первым в качестве полноправного выпускника школы егерей, а не просто ученика, собиравшегося под приглядом наставника побродить в полудневном переходе от Пелены, как было до этого в течение долгих семи лет.

А все родитель.

–Вагард. – Вспоминал он хмурое лицо своего отца, глядящее на него из «переговорной сферы». – Ты в первую очередь гресс Дагарон, и дела семьи и Клана всегда должны быть у тебя на первом месте. Хватит того, что я поддался на твои уговоры и, потакая, позволил поступить в школу Егерей.

–Отец, – неподдельно возмутился его самый младший отпрыск. – Ты же сам говорил, что настоящий гресс просто обязан стать как минимум мастером Боя, а где еще можно этому обучиться, как не в школе егерей?

–Вот поэтому и не попрекаю тебя этим.

–??? – брови парня взметнулись вверх, а рот открылся в беззвучном возмущении: «А что же было тогда перед этим?»

–И не надо прожигать меня взглядом... – Краешек губ на грубом, словно вырубленном из куска красного гранита, лице отца, с тяжелыми надбровными дугами, нависшими над пронизательными глазами, дернулся в легкой ухмылке. – Окончить школу не значит посвятить себя шастанью за Пеленой. Ты уже выпускник этого славного учреждения, и этого достаточно. Но если все же нейдет и тебя так и манит в Сумеречные Земли – делай это в свободное от дел клана время. Или ты полностью хочешь посвятить себя этому? Может, уже и в Орден егерей успел вступить? – нахмурился он, но тут же облегченно вздохнул, когда сын отрицательно покачал головой.

Барест Томкару любил своего сына, он любил всех своих детей, коих на сегодняшний день у него было уже целых семь душ, но отношение к младшему было особенным. Причем не только его – отца – отношение. Жены главы семьи квохтали над последышем, словно над единственным выжившим из большого выводка цыплёнком. Ну а для старших братьев и сестер он вообще был вроде той связующей клейкой субстанции, что позволяла им чувствовать себя одной семьей.

Он их мирил, когда те ссорились. Его грудь орошали горючими слезами сестры, страдая от очередной неразделенной любви. Братья, не стесняясь, вываливали на него свои маленькие и большие проблемы в надежде найти в последыше поддержку и оценку своим мыслям и идеям. И те и другие бежали к нему, чтобы тот поднатаскал их перед экзаме-

нами по оружному бою, когда Вагард стал постарше. Да и просто посиделки за кружкой ароматного цикра, когда получалось собраться всем вместе под крышей родного дома, тоже происходили в его комнате и при обязательном его присутствии. И все это несмотря на то, что разница с Баниятой, что появилась на свет перед Вагардом, была восемь лет. Ну а про первенца Бареста, названного в честь деда, и говорить нечего. Тот сам мог быть ему отцом, так как было ему уже почти тридцать лет, когда крепкий карапуз Вагард громким криком известил этот мир о своем рождении.

– Я, между прочим, до сих пор считаю, что надо было поступать в «Высокую школу вязи» дяди Торката, как это сделали все твои братья и сестры, – меж тем продолжал отец. – Там тоже искусство боя преподают. Нет, тебя за каким-то демоном к егерям понесло.

– Ты не забыл, что, в отличие от моих сестер и братьев, моя «искра» мертва? – Лицо парня вмиг помрачнело, на скулах заиграли желваки, а глаза превратились в две небольшие щелочки, за которыми едва угадывались черные зрачки, окаймленные желтой радужкой. Впрочем, вспыхнувшая злость была моментально укрощена, и парень продолжил уже более спокойным тоном: – Ну а качество преподавания боя у магов такое же дерьмовое, как и преподавание магической вязи в школе егерей.

– А вдруг гранды-преподаватели смогли бы пробудить твою искру? – не унимался глава семьи. – И перестань выра-

жаться как простой артак.

–ОТЕЦ, ХВАТИТ! – все же вспыхнул Вагард, но снова быстро взял себя в руки. – Прости. Ты ведь сам знаешь, что значит «мертвая искра». За сотни лет, как впервые стало известно об этом увечье аристо, еще не зафиксировано ни одного случая, чтобы искра ожила. Это спящую пробуждают, моя же мертва. И давай больше не возвращаться к этому разговору.

–Сын, – более мягко произнес отец. – Это ты меня прости. Несмотря на то, что меня всего передергивает, едва услышу выражение «мертвая искра», я все равно горжусь тобой. Вся семья гордится тобой. Стать мастером боя в семнадцать лет – такое случается очень редко. Да чего там говорить, за последние три сотни лет – это первый случай. По крайней мере, так сказал архивариус семьи.

–Дока боя, – буркнул себе под нос Вагард, опустив взгляд.

–ЧТО??? – изумленные глаза отца заполнили почти всю «переговорную сферу».

Градация мастерства у тех, кто посвятил себя бою, была почти такой же, как и у магов: адепт, подмастерье, бакалавр, мастер, дока и гранд. Была, правда, и еще одна ступень – элит гранд, но она скорее относилась и к искусству Боя и к искусству вязи. Универсальные воины, как их называли на Абидалии, и все они принадлежали к одной-единственной расе – приамы, которая считалась полностью истребленной после Войны Последнего Передела, которая в народе полу-

чила другое название – Войны Страха. Так что в настоящее время в мире воинов уровня элит гранд просто не существовало.

Вот только получить тот или иной ранг в искусстве боя было едва ли не сложнее, чем встать на ту же ступень у магов. У неодаренных, в отличие от последних, такого помощника, как «искра», не было. Поэтому ранги мастерства нарабатывались упорной, до изнеможения, работой, потом и кровью. И чтобы подняться на еще одну ступень вверх, часто проходило не по одному десятку лет в каждодневном упорном совершенствовании своего тела, с пичканием его снадобьями и зельями.

Вот и представьте удивление главы правящей семьи клана Дагарон, когда он узнаёт, что его самый младший отпрыск уже дока, которых наберется едва ли сотня на все Семиградье. И все это в какие-то двадцать лет отроду. Правда уже через мгновение, вспомнив, с каким упорством Вагард буквально насилывал свое тело, занимаясь на тренировочной площадке, часами избивая сначала деревянных истуканов, а затем и партнеров по учебным поединкам, Томкару удивляться перестал.

–Вагард, – чуть подрагивающим голосом от переполнявших мужчину эмоций наконец произнес глава клана, когда мысли обо всех этих сравнениях магов и воинов пронеслись у него в голове табуном диких испуганных тарпанов. – Я безмерно горжусь тем, что у меня растет такой сын. Возможно,

я и повторяюсь, но это действительно так. После всего, что я узнал, ты тем более должен быть в Холмграде. В конце концов, за Пелену ты можешь ходить и из родного города.

–Пап? – с мольбой в глазах посмотрел на родителя парень.

–Сын, – нахмурился глава. – Пойми – это не просто моя блажь или прихоть. За последнюю декаду на Трехзубом перевале были две попытки проникновения чернорясых в Семиградье и один штурм силами наемников-тареамов. А в зоне ответственности каких кланов находится этот перевал, тебе, думаю, напоминать не стоит.

–Штурм? – удивился Вагард.

–Да, штурм. Скорее всего, нас просто прощупывали, но все равно это уже повод для собрания Совета кланов Холмграда. С каждым годом провокаций на границе становится все больше и больше. Представители владыки Джургской империи в Семиградье от всего отнекиваются, мол, это инициатива частных лиц. И по последним данным, доставленным из-за Тохос-гребня, это действительно так. У джургов самих относительный порядок только до Такитаны, а вот восточнее, за рекой и до самого побережья – сами демоны не разберутся. Оттуда, видимо, эта зараза в виде чернорясых и лезет.

–На западе эти чистюли теократы, славящие своего Виргама Безгрешного, на востоке чернорясые, вообще непонятно кому поклоняющиеся, и все лезут в Семиградье, – сдвинув к переносице брови, проговорил младший Дагарон. – Отец,

им здесь всем медом намазано?

–Сын, – снисходительно, словно Вагард был несмышленным ребенком, улыбнулся тот. – У нас Сумеречные Земли со своими диковинками. Здесь Сарашские болота с самородным чистейшим сырым мифрилом. Здесь самые плодородные земли на левом берегу Амплалды и в поймах Ультиаки и Парей. Продолжать?

–Не надо, – покачал головой Вагард.

И действительно, к чему слушать то, о чем он знал с самого рождения. Все аристо Семиградья получали великолепное образование. И тиры, и пратты, не говоря уже о грессах, что были аналогом высшей аристократии в человеческих государствах. И достоинства Семиградья, которые сейчас перечислил отец, откровением для Вагарда не стали.

–Мне вот что непонятно, отец, – меж тем продолжил парень. – Я понимаю заинтересованность Радогона, Полойского торгового союза, да той же Джамахирии, но святошам-то с чернорясыми что у нас надо? Они же вроде как за умы и души разумных должны бороться? Им прежде всего нужна паства, а материальное потом.

–Как же ты еще молод, сын, – покачал Томкару головой. – Впрочем, этот недостаток с годами проходит, подмигнул он и начал пояснять: – Трудно насаждать свою веру и бороться за умы, находясь где-нибудь на отшибе материка в келье отшельника. А вот, когда ты в центре и от тебя, как от паука расходятся в разные стороны нити твоей паутины, за кото-

рые ты дергаешь, когда тебе это необходимо – это уже расклад совсем другой. Да и о том, что я тебе говорил до этого не стоит забывать. Ты думаешь, святошам и чернорясам нужны заблудшие, как они говорят, души, чтобы повернуть их в лоно истинной веры? – снова ухмыльнулся гресс Дагарон. – Как бы ни так. Власть и деньги – вот единственная цель, что они преследуют. Впрочем, не только они.

–А как же...

–Сын, – перебил его отец. – Давай обо всем этом мы поговорим дома, за чашкой цикра. Теперь же я жду твоего ответа.

–Я буду, отец, – почти без паузы ответил Вагард.

–Вот и прекрасно, – открыто, с нескрываемым чувством облегчения, улыбнулся тот. – У тебя есть сутки, чтобы завершить все свои дела в Великограде. Совет кланов Холмграда через три дня, но надо еще и с матерями, братьями и сестрами пообщаться, – подмигнул он. – Тем более такой повод. Первый дока боя в семье.

–Да уж, – передернул плечами парень, ярко представив, как его будет тискать женская половина сородичей.

–Кстати, – снова обратил на себя внимание Томкару. – На Совете будут представители кланов и семей других городов, потому как это касается уже не только Холмграда, но и всего Семиградья. Некоторые главы сами решили присутствовать. В частности глава Хаэрс точно будет, может, и еще кто решит посетить наш город. А у них в свите наверняка будут незамужние родственницы. Может, уже начать присмат-

риваться к первой будущей жене?

– Я еще слишком молод, чтобы вешать себе на шею этот хомут, – поморщившись, отмахнулся парень.

– Ну-ну, – хитро сощурился старший Дагарон. – Не зарекайся. Женщины – такие существа, что опомниться не успеешь, как, проснувшись рано утром в один из дней, обнаружишь на правом запястье вязь брачной татуировки, а под боком посапывающую красотку. А возможно, и не одну.

Вагард явственно представил эту картину и сморщился еще больше, словно откусил порядочный кусок от не до конца созревшего ламата, чем вызвал заразительный смех своего отца.

– Все, я собираться, – решительно поднялся парень. – До скорой встречи, отец, – и погасил «сферу».

Постояв в раздумье некоторое время, Вагард вдруг понял, что собирать-то ему особо и нечего. Из казармы егерской школы его попросили сразу же, как только он получил документ об ее окончании. В принципе, он уже тогда был волен в своих поступках, но решил подождать и попытаться сдать экзамен на получение ранга доки боя. Поэтому снял комнату в городе и стал ждать даты испытаний.

Экзамен был трудным и изматывающим. Три дня парень показывал грандам-наставникам все, чего успел достичь своим упорным трудом с того самого дня, когда его еще детская ручонка с ямочками на будущих костяшках кулаков и перетяжечкой на запястье, все же смогла удержать рукоять бое-

вого кинжала. Три долгих дня доказывал, что достоин, чтобы полы его плаща скрепляла серебряная фибула в виде дракона, кусающего себя за хвост – знак доки боя. Так что единодушный вердикт комиссии: «дока боя» был закономерным итогом его многолетних тренировок.

Оставалось только совершить свой первый выход за Пелену в компании товарищей, с которыми долгие семь лет жил плечом к плечу. За многие годы существования школ егерей у их выпускников это стало негласной традицией: прежде чем разлететься по своим кланам, делать совместный (часто единственный) выход в Сумеречные Земли. Нередко такие выходы заканчивались более чем удачно, и у новичков по итогам рейда в карманах позвякивали тяжелые «золотые драконы». Были случаи, что из такого похода возвращалось меньше разумных, чем в него уходило. Но чаще всего выход превращался в щекочущий нервы пикник или веселую попойку в дневном переходе от Пелены или границы болот.

– Хорошо еще конкретной договоренности ни с кем не было, – пробурчал Вагард себе под нос, окидывая последним взглядом комнату, что он снимал последние дни. – А то было бы очень неудобно. Хотя, с другой стороны, и объяснять ничего бы не пришлось. Все понимают, что если зовут дела клана – все остальное побоку.

Решительно закинув за спину зачарованный дорожный мешок, личный подарок Банияты, что сделала ему, когда тот получил ранг мастера боя и в котором в настоящий момент

находился весь его арсенал, Вагард кивнул своим мыслям и покинул комнату.

Легкий шлепок по мягкому месту работницы таверны, что по обоюдному согласию согревала ему постель, пока он ждал экзамена, ее грустные глаза, в которых явственно читалось разочарование, что от них съезжает молодой, щедрый и нежный именно с ней парень, и вот он уже стоит на крыльце, щурясь от ярких солнечных лучей.

Решив не брать экипаж или рикшу, молодой воин размеренной походкой направился в сторону городского телепорта. И дело было не в том, что он пожалел на это денег. Уж от десятка медных «драконьих ноготков», что было обычной таксой, в какой бы конец Великограда ты ни поехал, он бы не обеднел. В мошне всегда звенела приличная горсть денег: от тех же медных «драконьих ноготков» и серебряных «драконьих чешуек» до полновесных «серебряных драконов». Золота в кошеле он не носил, предпочитая держать с десятков монет в воинском поясе – так, на всякий случай. Просто ему хотелось еще раз взглянуть на город, ставший ему почти таким же родным, как и его Холмград, в котором он родился и провел первые десять лет своей жизни. Что-то подсказывало парню, что вернется он сюда еще не скоро.

Очереди перемещающихся во все стороны Семиградья разумных на порталной площади практически не было. Недешёвое это удовольствие путешествовать «древними путями». «Золотой дракон» по-волшебному быстро исчез в ру-

ках оператора портала, и вот уже глаза младшего Дагарона щурятся под лучами того же самого солнца, но менее тепло-го, что ли, из-за легкого прохладного ветерка, дующего со стороны Тохос-гребня – высокой горной гряды, являющейся естественной восточной границей Семиградья.

И снова пешая прогулка, но уже по улицам по-настояще-му родного города до ворот семейного гнезда. Казалось, что за годы учебы Холмград совсем не изменился: такой же степенный и неспешный. Чистый, с невысокими, не превыша-ющими трех этажей, домами и особняками, с приветливыми жителями, что бросали внимательные взгляды на его фибу-лу, а потом уважительно кивали. И конечно, с запахом све-жей утренней выпечки, что, смешиваясь с тем самым горным ветерком, наполняла улицы города ароматами, каких не бы-ло больше нигде в Семиградье.

Ну а едва он перешагнул порог родного дома, как тут же были забыты и Великоград, и несостоявшийся выход за Пелену, потому как он потонул в чистых и светлых эмоциях, что исходили от родных, не ожидавших такого скорого его прибытия в родные пенаты.

Следующая декада закрутила парня, словно в водовороте. Ежедневные встречи с многочисленной родней и представи-телями других семей клана. Званные обеды и просто посидел-ки с друзьями детства. Уроки боя родным братьям и сестрам, что в коем-то веке собрались все под одной крышей. Сказ-ки на ночь племянникам и племянницам, не отлипавшим от

любимого дядюшки ни на мгновение. И прошедший совсем незаметно Совет кланов Холмграда.

И снова встречи, рауты, приемы, беседы.

Но постепенно накал событий стал стихать. Родня разъехалась по своим поместьям и замкам, увозя за собой рыдающую ребятню. Поток приглашений на званые ужины, рауты и посиделки с каждым днем все уменьшался, пока не превратился в привычный, обязательный правилами приличия ручеек. Но это не означало, что парень стал маяться бездельем, пришло время заниматься делами, за которыми лелеемый им выход за Пелену снова отодвинулся на неопределённое время.

На Вагарда, как на одного из трех доков боя клана, отец с чистой совестью скинул обязанности по подготовке молодых воинов. Пока только молодых. И пока только личных слуг семьи. Несмотря на свой ранг, реального боевого опыта у парня не было ни крупицы. Какой-нибудь клановый воин, что уже не один десяток лет стоит на его страже, мог дать ему сто очков вперед в этом вопросе, пусть и являлся, к примеру, всего лишь бакалавром боя. И это в первую очередь понимал сам Вагард. Прорву теории, что впихали в него в школе егерей и применение которой практически до совершенства ограничили во время краткосрочных выходов за Пелену под приглядом наставников, он за опыт не считал. Поэтому и не кривился от мысли, что его недооценивают.

В связи с этим через несколько декад с новой силой стал

вопрос о выходе в Сумеречные Земли. В конце концов, где как не на Трехзубом перевале и за Пеленой этот самый опыт получать? Последний вариант даже предпочтительней. На проходе через Тохос-гребень в сторону Джургской империи в настоящее время снова установилось относительное затишье. Масштабных боевых действий нет, а в мелких стычках опыта не наберешься. А вот в Сумеречных Землях найти приключений на свое седалище можно всегда. Проверено поколениями предков.

Добро от отца было получено довольно легко. Тот и сам понимал, что парню на одном месте не усидеть. Да и Семиградье – это не те земли, где аристократы представляют собой накрашенных кукол, любимым занятием которых являются интриги. Своего дерьма, как говорил дед Вагарда, который давно отошел от дел и теперь все время пропадал в Клановой библиотеке, конечно, и у них достаточно, но аристо Семиградья в первую очередь защитники этих земель. И не дай Небесный Гончар, если они уподобятся той же знати Радогона и заменят боевые клинки на изукрашенные камнями шпаги. А вместо тряпицы и оселка, коими ухаживают за оружием, чтобы на нем не завелась ржа, заведут кружевные платки и флакончики с ароматическими каплями. Это будет началом конца Семиградья. И так думали многие.

Сложнее Вагарду было отделаться от Банияты, которая прицепилась к нему, словно колючка, какими усыпаны бродячие псы. Никакие доводы не могли убедить девушку в том,

что за Пеленой ей не место. По крайней мере, не сейчас, не в первый выход ее младшего брата. И дело даже не в том, что она всего лишь (!) подмастерье боя, а в том, что она уже (!) мастер вязи и мастер довольно сильный. В Сумеречных Землях на ее «искру» все, что может убивать, будет слетаться как мотыльки на свечу в беззвездную и безлунную ночь. Начиная от маленькой осы-наездницы и плотоядной ракиты и заканчивая дикими химерами. При этом не помогут никакие скрывающие «искру» амулеты и артефакты – жители Сумеречных Земель их просто не заметят.

В итоге все решилось довольно просто – отец сказал свое веское «нет», и сестра вроде бы отстала от парня.

Потом были скрупулезные сборы, выбор и подгонка снаряжения, согласование с отцом и матерями списка того, на что желательно обратить внимание в выходе. Ну, не просто так же идти? И наконец, поиск адекватной команды, обязательно не новичков, а уже успешно пересекавших Пелену. Причем в обоих направлениях и желательно не с пустыми руками и в полном составе.

Но и с этим в итоге все решилось.

Однако, как не заладилось с выходом в Великограде, так и в родном городе все пошло наперекосяк. Будто сам Небесный Гончар не хотел, чтобы Вагард шел в Сумеречные Земли.

Банянта, вопреки запрету отца, решила схитрить, но не отступить от своей идеи. Пока ее младший брат с головой

погрузился в суету сборов, она отпросилась на Трехзубый перевал к Баресту – старшему из братьев и сестер Дагарон, чья очередь командовать гарнизоном крепости как раз подошла.

Сама же сняла в городе комнату и стала ждать того момента, когда Вагард уйдет за Пелену, чтобы последовать за ним. А там, в суточном переходе от границы, к нему присоединиться. Прогонять одну он ее не станет, а возвращаться пустым не позволит гордость. Уж ей ли не знать своего любимого братца?

Знала бы она, в какое приключение все это выльется в итоге – сидела бы дома, как грызь под веником. А может, и наоборот, стала рваться туда еще сильнее.

* * *

—Банията, Банията, – баюкал сломанную руку Вагард, сидя со скрещенными ногами и раскачиваясь телом взад и вперед. – Какая же ты дура, сестренка.

—Я слышу это уже два дня, Ваг, – тяжело дыша, ответила растрепанная девушка, прислонившись к стволу лесного исполина, что рос на краю большой поляны. – И да – я дура, но может, будешь пооригинальнее и найдешь еще какую-нибудь характеристику моим умственным способностям? А то все дура да дура.

—Полная дура, – умученно улыбнулся парень.

– Уже лучше, но все равно как-то, – она покрутила перед собой растопыренными пальцами и, так и не найдя подходящего эпитета, закончила. – Пресно, в общем. Может, подлечу?

– Да ты не дура, – оскалился парень. – Ты идиотка, кретинка, дебилка, умалишенная, полоумная, тронутая...

Ругательства срывались с языка Вагарда сплошным потоком.

Его сестренка все-таки перехитрила всех. И саму себя в том числе. Хорошо еще, что и сам парень опоздал к выходу своей группы, как бы странно это ни звучало. И еще хорошо то, что Банията настигла его прежде, чем он догнал отряд. Иначе их давно прикопали где-нибудь, и никакая кровавая месть бойцам помехой бы не стала. Месть она еще когда наступит, если про настоящие подробности их исчезновения вообще узнают? Сумеречные Земли велики, и в них часто пропадают даже очень сильные воины. А вот смертельные неприятности от коренных обитателей этих земель были обеспечены наверняка, причем в самом ближайшем будущем. Поэтому рисковать из-за одной взбалмошной девчонки семью воинами не стал бы ни один стоящий командир.

Так что, когда в сгущающихся сумерках Вагард осознал, что за ним кто-то следует, а еще чуть позже убедился, что это Бята, как частенько сестру называли домашние, окончательно понял – можно больше не торопиться. Нет, торопиться как раз стоит, но в обратном направлении, в сторону Холм-

града. В только выполнить этот маневр было очень сложно, да и поздно уже – местная плотоядная гадость вышла на охоту. И прежде, чем начались игры вперегонки со смертью, парень все же выделил немного времени, чтобы перегнуть сестру через колено и плоскостью клинка хорошенько отходить ее по мягкому месту.

–Все-таки ты гад, братик, – смешно сморщив личико и погладив свою попу, проговорила Банията. – Мог и дома потом выпороть. Я теперь полностью небоеготова.

–До дома еще добраться надо, – совсем невесело ухмыльнулся тот. – А это под о-о-очень большим вопросом. И слово-то какое выдумала – боеготова, – хмыкнул он в завершении.

Попытка уйти назад тем же путем, что и пришли, закончилась полным провалом. Тропу, словно ими руководил невидимый кукловод, умело перекрывали измененные создания – детища отгремевшей здесь много веков назад последней большой войны, заставляя брата и сестру выбирать новые пути к отступлению.

Сначала была всякая мелочь: совсем небольшие насекомые, но с такими жвалами, что спокойно перекусят древко стрелы. Непонятные грызуны с выпирающими резцами исполинских размеров, что едва умещались в их пастьях и которым в меню было милее нежное мясо, чем та же древесина и сочные корешки. Неизвестные пернатые, лапы которых были украшены когтями, больше похожими на серпы артаков,

которыми они срезают стебли пшеницы. И еще куча всякой живности, так и жаждущая испить теплой крови двуногих и обитающая только здесь – за Пеленой.

Вагард, конечно, изучал bestiарий населяющих Сумеречные Земли в школе Егерей, но, как говорили сами наставники, на то они и измененные, что эти самые изменения происходят с ними постоянно. Каждое поколение одного и того же вида бестий, одичавших химер и мутантов было не похоже на предыдущее, все лучше и лучше приспособляясь к жизни в этих негостеприимных землях.

Но с этой мелочью они худо-бедно, но справлялись. Единственная опасность, что исходила от них – было их огромное количество. Правда, и этого хватало с головой. На открытых участках тела уже появились мелкие порезы, царапины и укусы. Ранки неимоверно зудели и чесались, приманивая сочащейся кровью все новых и новых участников, вовлекая их в интересную и увлекательную игру «Отведай теплой крови разумных». Но терпеть все же было можно, поэтому парень и девушка не останавливались и продолжали методично пробиваться, как им казалось, к Пелене.

«Правы были наставники, прав был отец – без опыта в этих землях никуда. С другой стороны, и получить его можно было только здесь», – в очередной раз подумал молодой воин, перепрыгивая через полусгнивший ствол давно упавшего дерева.

То, что их оттирают в глубь Сумеречных Земель, Вагард

понял, когда взошло солнце. Пики Тохос-гребня, что изредка виднелись в просветах лесных гигантов, были все так же на востоке, только теперь еще дальше, чем в предыдущий день. И приблизиться к ним стало труднее, почти невозможно, потому что к веселью стали присоединяться бестии покрупнее. А еще чуть позже, когда солнце пробежало уже большую половину дневного пути, появились и первые химеры, сшибка с которыми стоила доке боя сломанной руки.

Химеры выскочили неожиданно, хотя треск сминаемого ими подлеска был слышен не за одну лигу.

—Баркадар, — попытался сглотнуть Вагард, но это у него не получилось. Во рту все давно высохло, язык прилипал к небу, а времени, чтобы опрокинуть в горло живительной влаги из фляги на поясе, совсем не было, да и руки были заняты, шинкуя клинками, словно лопастями маленького ветряка всевозможную агрессивную мелочь.

Первая выскочившая на относительно свободный от растительности участок химера представляла собой существо, собранное из частей кабана, скорпиона и горного барана. На массивном, значительно большем, чем у обычной лесной свиньи теле, высота которого доходила по грудь тому же Вагарду, была такая же свиная башка с розовым пяточком и вислыми ушами. Вот только клыки, в отличие от обычного кабана, были в разы длиннее и загибались не вверх, а словно пики торчали вперед. Как он питался, имея такое боевое украшение, для обычного обывателя было загадкой, но па-

рень знал – он был прилежным учеником в свое время.

Вместо жесткой щетины по всей туше росли густые пряди свалывшейся бараньей шерсти, плотной даже на вид. Таковую не сразу просечешь и тяжелой саблей. Здесь могло помочь только крепкое копьё с длинным острым наконечником или же тяжелая секира, а еще лучше боевой молот, чтобы перебить хребет. Или лапы, а уже потом хребет. От барана химере достались и рога, но они были короткими, тупыми и загибались за уши. Не чем иным, как естественной броней, они не были, так как срастались на лбу существа, образуя толстый роговой слой, защищавший содержимое черепушки.

Ноги были обычными для свиньи, разве что более толстые в нижней своей части, да копыта неестественно поблескивали острыми металлическими гранями. Вместо милого закрученного хвостика над спиной химеры колыхался выгнутый вперед хвостище, который заканчивался жалом с мутной каплей на своем острие.

–А как они питаются? – бледнея от открывшегося зрелища, шёпотом произнесла Банията.

–Удар жалом. Жертву парализует ядом. Он же растворяет ее плоть. Как мне известно, зубов, кроме видимых тобою клыков, химера не имеет, но есть хоботок, который прячется в пасти. Через определенное время ей остается только выдвинуть его и с причмокиванием втянуть в себя питательную смесь.

Представив себе эту картину, девушка задышала полной

грудью, пытаюсь совладать с рвотными позывами, и, в конце концов, ей это удалось.

– Баркадар, – снова проговорил парень, вспоминая вбитые в него знания. – Уязвимые места: паховая область, впадина между ухом и внутренним изгибом рога. Пятак чувствителен, но там клыки. Удар должен быть исключительно точным и сильным. Очень ценны поджелудочная железа, рога, шерсть и копыта. Менее ценен парализующий яд жала. Но если ободрать вот эту скотинку до костей, то можно выручить до сотни «золотых драконов», а возможно и больше. Вот только не ходят такие твари в одиночку.

Сестра, все это время слушавшая Вагарда с раскрытыми на половину ее симпатичной мордашки глазами и думая, что тот сходит с ума, вдруг увидела, как к первой особи присоединяются еще две химеры, с шумом и треском выкинувшие свои тела из густого и высокого кустарника.

– О чем я и говорил, – наблюдая ту же картину, проговорил брат.

– Ваг? – в голосе девушки послышались панические нотки.

– Не суетись и не вздумай плести вязь, – коротко сказал тот, перекидывая из-за спины небольшой круглый щит. Однако в следующий момент отказался от своей идеи и снова закинул его за спину, достав из ножен к первому узкому короткому клинку его пару.

Готовясь к бою и стараясь не делать резких движений, Вагард не переставал наблюдать, как близорукие создания во-

дят своими пятаками по сторонам, пытаюсь уловить запахи. «Искру» Банияты они чувствовали, сейчас же старались убедиться, что подоспел желанный ужин, и с помощью привычных органов чувств. Схватки было не избежать.

–Ты поняла? – снова спросил он девушку, так и не дождавшись от нее никакой реакции.

–Угу, – заторможенно, на грани слышимости шепнула она.

–Не сходи с места и не делай резких движений.

А в следующее мгновение Бята поняла, кто такие доки боя и за что ее младший любимый братишка получил этот ранг.

Превратившись в смазанный силуэт, молодой воин метнулся в сторону химер. Затормозил в трех десятках шагов от них, взрывая мягкий дерн подошвами своих охотничьих сапог. Подождал, пока его заметит первая тварь, и, когда та коротко, совсем не по-кабаньи взрыкнув, устремилась в его сторону, ринулся прочь, отводя ее от застывшей истуканом сестры.

Со стороны было заметно, что двигается Вагард медленнее, чем до этого, когда он привлекал внимание химер. И уже вскоре стало понятно, зачем он это делает. Вырвавшийся вперед своих товарок то ли вожак, то ли просто старшая и более сильная в этой небольшой стае особь, поняв, что настигает свою жертву, вдруг резко прыгнул, нацеливая в сторону убегающего «ужина» клыки на морде и жало на хвосте. Но парень явно ждал этого. Он тут же ускорился, в два

прыжка приближаясь к стоящему на его пути дереву. Вбежал по нему, гася инерцию, а затем, с силой оттолкнувшись и сделав сальто, устремился в обратную сторону.

Жертва в один миг превратилась в охотника.

Химера еще не успела опуститься на землю, завершая свой длинный прыжок, когда под ее тушей, скользя по сочной траве на прицепленном за спиной щите, промелькнула фигурка воина, вспарывая выставленными вверх клинками сухожилия задних ног и бедренные артерии, одновременно орошая себя кровью своего врага.

– Минус один, – вскакивая на ноги, проговорил оскалившийся Вагард, которого просто трясло от переполнявшего его организм адреналина. Он уже не походил на обычного разумного, скорее напоминал механизм, заряженный на убийство.

Увидев, что их стало на одну особь меньше, оставшаяся пара устроила небольшое разбирательство по поводу дальнейшего главенства в поредевшей стае. Видимо, первая химера была все же вожаком. Можно было, конечно, попытаться свинтить подальше от этих тварей, пока они выясняют, кому в будущем будут доставаться самые вкусные куски. Или учитывая их способ питания – самый «наваристый бульон». Но разборки закончились так же быстро, как и начались, определив победителя, который тут же ринулся по маршруту своего предшественника. То есть в сторону жалкой двуногой и такой желанной пищи.

Повторить предыдущий фокус Вагард уже не успевал: подходящих деревьев рядом больше не было, а возле того, что он уже использовал, все еще подрагивала конечностями туша предыдущей химеры. Поэтому он ничего лучше не придумал, как ринуться навстречу твари. Парень, наверное, мог бы услышать испуганный вскрик своей сестры, которой показалось, что еще мгновение и химера насадит ее братика на торчащие вперед клыки, но был слишком занят, сражаясь за свою и ее жизни.

Он уже чувствовал резкий запах слежавшейся шерсти. Видел безумный огонёк в маленьких глазках химеры, ее желание проткнуть наглуую жертву, растоптать, а потом употребить по назначению, но решил разочаровать ее. На очередном шаге он уходит чуть в сторону и, резко крутанувшись вокруг своей оси, пропускает набегающую тушу мимо себя, не забыв воткнуть один из своих клинков ей за ухо.

– Минус два, – буквально на мгновение повернулся к поверженной химере парень, чтобы убедиться в том, что она мертва.

– ВА-А-АГ! – ворвался в уши Вагарда истошный визг Баняты.

Каким бы он ни был быстрым, на этот раз скорость его не спасла. Вернее спасла, но только частично.

Ошибочно решив, что опасность угрожает сестре, парень развернулся в ее сторону и только в последний момент периферическим зрением заметил, что к нему приближается тя-

желое бревно, которое последняя химера, подцепив клыками, мощно запустила в его сторону. Времени для маневров практически не оставалось, поэтому Вагард лишь успел развернуться спиной к летящей деревяшке, понадеявшись на то, что удар придется в висящий на ней щит.

Небесный Гончар был благосклонен к дерзкому воину – бревно угодило в щит. Вот только удар был настолько силен, что парень сам превратился в живой снаряд, путь которого закончился в обнимку со стволом дерева, по которому он совсем недавно бегал, сражаясь с первой химерой.

Сознания Вагард не потерял. Он даже сумел подняться на ноги, вот только боец из него стал аховый. Левая рука повисла плетью, выронив клинок (первый клинок так и остался торчать за ухом второй химеры), голова гудела, желудок пытался выдавить из себя содержимое, и казалось, что шатает не его самого, а земля волнуется под ногами. А оставшаяся химера к этому времени уже набирала скорость, и остановить ее не было никакой возможности.

Девичий голос зазвучал сразу же, как только тварь начала свою атаку на находящегося в прострации парня. С каждым новым сказанным словом на «истинном наречии» он звучал все тверже, громче и звонче, сопровождаемый пассажами рук. И когда химере оставалось буквально десяток шагов, чтобы безнаказанно вонзить свои клыки в беспомощную жертву, раздался громкий хлопок от сложенных ладоней Банияты, ставящий точку в заклинании и активирующий его.

Тварь так и не поняла, что же произошло, когда выстрелившие из земли «Колья гранита» вдруг подняли ее вверх, пронзая тушу в нескольких местах. Она еще продолжала сучить ногами, пытаясь добраться до двуногого, ведь он был всего в паре шагов, но уже скоро ее глаза стали тухнуть, затягиваясь предсмертной поволокой.

–Вагард! Братик! – бежала к нему рыдающая девушка, размазывая по щекам слезы и сопли. – Ты жив, родной! Ты жив, – как заклинание проговаривала она.

–Жив, жив, – прохрипел он, принимая наконец более устойчивую позу. – Я же сказал не магичить.

–Да ты... да я... – начала стучать ему в грудь своими кулачками сестра, еще больше заливаясь слезами. – Я думала, ты погиб.

–Не дожدهшься, – попытался тот изобразить улыбку, но в итоге вышел лишь болезненный оскал. – Спасибо, Бят, ты спасла мне жизнь. И сними мне, пожалуйста, боль, все равно уже выброс силы был.

–Да, да, – тут же засуетилась девушка, под тихий шепот проводя ладошками по сломанной руке брата.

Банянте лучше всего удавалось плести заклинания земли, которые ей и позволили стать мастером вязи, во всех остальных направлениях она была крепким подмастерьем или, скорее всего, слабеньким бакалавром. Этого, конечно, не хватило бы для того, чтобы вылечить руку парню, но чтобы снять боль, ее знаний было достаточно.

–Спасибо, – благодарно кивнул Вагард. – А теперь прём отсюда, пока не упадем. Сейчас весь бестиарий Сумеречных Земель будет здесь, привлеченный магией и кровью. И не рассчитывай, что этих трех туш хватит им надолго. Думаю, форы мы заимели всего на пару-тройку часов.

Несмотря на пессимистический настрой парня, фора оказалась даже больше. Заливая в себя укрепляющие, восстанавливающие и обезболивающие зелья, которых Вагард взял за Пелену с избытком, они бежали почти до самого утра. И когда поняли, что снадобья уже не справляются, были вынуждены остановиться на короткий привал, на котором девушка и стала жаловаться на то, что ее младший брат выпорол ее не ко времени.

–Болит? – видя, как на лице Вагарда периодически играют желваки от стиснутых челюстей, жалостливо спросила Банията.

–Угу.

–Выпей еще одно зелье.

–Не помогает, – покачал он головой. – На четверть часа максимум. Видимо, кость раздробило.

–Говорю же, давай подлечу и сразу побежим. Прорвемся, как ты говоришь.

–Тихо, – вдруг согнул он правую руку в локте, поднимая ладонь вверх. – Похоже, уже поздно.

И действительно, шум, который уловил Вагард и еще недавно бывший на грани слышимости, приближался с такой

скоростью, что тех, кто его издавал, стоило ждать в любой момент. И это были явно не баркадары.

На противоположной стороне поляны вдруг раздался истошный визг, который также резко оборвался. А после этого последовал громкий хлопок. Точнее, даже взрыв. Банията помнила, так бывает, к примеру, когда в какой-нибудь валун поместить заклинание «разрыва». Стоявшее там же дерево, которое было едва ли не самым высоким среди всех остальных, сначала накренилось, а потом с громким хрустом, ломая молодняк под собой и ветви соседних лесных великанов, стало падать.

Вагард и его сестра, как замороженные, смотрели на гибель исполина, который в течение не одной сотни лет сопротивлялся и ураганам, и лесным пожарам. Не поддавался древооточцам и червям, грызущим его корни. Он выжил маленьким росточком, он крепчал от года к году, он вырос так высоко, что в его кроне стали прятаться облака. Теперь же он умирал. Страшный удар ствола о землю вызвал небольшое землетрясение, вздымая вверх сухие листья, мелкие ветви, щепки и куски отлетевшей коры. А когда весь мусор опал, они увидели одинокий силуэт разумного, который появился рядом с вывороченными корнями.

Он смотрел в их сторону.

Банията не растерялась и, плюнув на возможную ругань брата, стала стремительно плести вязь какого-то убойного заклинания. Вот только фигура недолго оставалась на месте.

Она вдруг исчезла, а потом оказалась в пяти шагах от брата и сестры. Да именно так: там, на противоположном краю поляны, за пару сотен шагов исчезла, а материализовалась совсем рядом, сверкая неестественно голубыми, как лед горного озера, глазами, без малейших признаков белка. Если движения брата она еще могла заметить, пусть и смазанные, то этот незнакомец, казалось, просто телепортировался к ним.

– Не надо, девочка, – раздался приятный, но усталый голос незнакомца, а в следующий момент Бята поняла, что тщательно сплетенная ею вязь вдруг расплзлась, не оставив после себя ни одной петельки. – Я не враг.

Высокий, на полголовы выше Вагарда, но не мощный, а какой-то жилистый, что ли, с широкими плечами, тонкой талией и грацией хищного зверя. В руках два коротких клинка с обратным изгибом, сделанные из непонятного серого материала, совсем не похожего на сталь. Но и не мифрил. На груди перевязь с гнездами под метательные ножи, большая часть которых была давно растрочена. За плечами небольшая котомка. Кожаный доспех посечен, но сплошных прорех нет. Приятное открытое лицо с прямым носом и абсолютно свободное от поросли. Не было даже щетины, наверняка к нему никогда не прикасалось лезвие бритвы. Густые брови и ресницы. Пепельные, словно подернутые сединой, растрепанные прямые волосы до плеч и кончики совсем чуть-чуть (не как у эльфов) заостренных ушей, выглядывающих сквозь пряди.

И ГЛАЗА! Глаза, какие нельзя встретить ни у одной расы Абидалии. Хотя, когда парень и девушка снова взглянули в них незнакомцу, те уже потухли, превратившись в обычные серые, правда, с темным вертикальным зрачком, какие бывают, к примеру, у тех же ликанов. Разве что стального блеска в них было больше, чем у других. А так ничего необычного.

Мужчина тоже осмотрел Вагарда и Банияту, правда, сделал это не так открыто, как они. Буквально кинул пару оценивающих взглядов: сначала на девушку, потом на парня, а уже в следующий миг задумчиво, словно самому себе, произнес:

– Беркат и снежная эльфийка. Родственники, скорее всего – брат и сестра. Девушка потенциально сильный маг, склонна к земле. Знакома с пляской стали, но пока слаба в этом ремесле. Парень, наоборот, довольно неплохой боец. Не маг, но потенциальный...

Бята и Ваг недоуменно посмотрели сначала на странного воина, а потом и друг на друга. С первого мига появления этого странного типа странностей, связанных с ним, становилось все больше и больше. Мало того, что он развеял тщательно выстраиваемую вязь Банияты (то, что это сделал именно он, девушка уже сомневалась), не прошептав ни единого слова на «истинном наречии» и не сделав ни одного пасса руками, так еще, едва взглянув, чуть ли не выдал полную с их братом родословную. И, наверное, выдал бы, но почему-то в задумчивости замолчал.

–Простите, – вновь послышался его голос. – У вас случайно не найдется красного вина?

Вот так, ни «здрости, разрешите представиться, мое имя такое-то», ни «что вы делаете в Сумеречных Землях и где ваш отряд?». Ни полслова об этом, а сразу: «Вина не найдется, горло прополоскать?»

–Разбавленное, – недоуменно ответил Вагард, порылся в своем мешке, что лежал у его ног, и достал небольшую флягу.

–Слава Гончару, – облегченно вздохнул незнакомец и осторожно перекинул из-за спины котомку, из развязанной горловины которой через некоторое время показалась головка совсем крошечного младенца, с такими же серыми со сталью глазами, как и у взрослого мужчины, и пепельными волосами.

–Дитя? – и так огромные глаза девушки стали снова увеличиваться в размере.

–Сын, – с нежностью в голосе, какую Ваг и Банията совсем не ожидали услышать от этого странного незнакомца, проговорил тот.

Ну, никак у них не вязалось увиденное с окружавшей их действительностью. Младенец в Сумеречных Землях – такое же невозможное явление, как, к примеру, боевой маг с «мертвой искрой».

Осторожно освободив ребенка от серых, покрытых кровью пеленок, мужчина так же осторожно положил его живо-

тиком на свою широкую ладонь и придирчиво осмотрел спину. От правой лопатки до левой ягодицы малыша тянулись три страшных рубца, словно их оставил своими когтями какой-то зверь.

Потрогав ужасные шрамы кончиками пальцев и удовлетворенно кивнув, незнакомец перевернул младенца и положил его себе на предплечье. Затем зубами вытащил пробку из фляги, что протянул ему Вагард, и приложился к горлышку. Хлебнув вина, он прополоскал рот, поглядел из стороны в сторону, будто собираясь сплюнуть, а потом, тряхнув головой, проглотил, после чего снова запрокинул флягу.

Еще раз набрав вина, он вернул сосуд, а сам стал изо рта в рот переливать вино младенцу. Тот сначала сморщился, но потом вдруг вцепился своими ручонками в щеки мужчины, словно пытаясь выжать из него все до последней капли.

–Хватит, Мат’Эвэй, хватит, – улыбнулся незнакомец. – Оно хоть и разбавленное, но все же вино.

–Что у него со спиной? – дрогнувшим голосом тихо спросила девушка, на щеках которой обернувшийся Вагард с изумлением обнаружил две влажные дорожки, проложившие свой путь из уголков ее глаз.

–Раны от когтей демона, – нахмурился незнакомец.

–Демона? – одновременно вскрикнули родственники.

–Да. Я был в бою и не сразу заметил, что одна из тварей успела полоснуть сзади по моему мешку. Да даже если бы и заметил, остановиться – погибнуть обоим. Слава Гончару,

я и с тварями успел разделаться, и раны излечить. Вот только сын потерял много крови, поэтому и нужно было вино. Шрамы, конечно, останутся, но это не страшно, – с нежностью посмотрел он на дитя. – Они только украшают настоящих мужчин.

–А тот взрыв на краю поляны? – Все, что рассказывал этот странный воин, было настолько невероятно, что Бятой овладело любопытство.

–Не рассчитал немного, – виновато пожал плечами незнакомец. – Последних трех тварей разнесло одновременно.

–А... – попыталась еще что-то сказать девушка, но ее перебил молчавший до этого времени брат.

–Что это? – указал он здоровой рукой в противоположный от рухнувшего дерева край поляны.

Там, почти у самой кромки леса, разрасталось светлое пятно. Когда Вагарда привлекла эта непонятная странность, он увидел лишь небольшое свечение, будто в трех локтях от земли кто-то подвесил совсем слабый магический «светляк». Сейчас же было понятно, что это никакой не «светляк». Над землей, переливаясь всеми цветами радуги, вертикально завис плоский блин, радиусом с его щит. И этот блин продолжал расти.

–Блуждающий портал, – задумчиво произнес незнакомец себе под нос. – Это шанс. Вот что, дети, – повернулся он к брату и сестре.

Только сейчас, по-новому взглядевшись в его лицо, те по-

няли, насколько этот воин стар. Вернее не так. И на вид, и по голосу, и по движениям воину было всего лет тридцать – тридцать пять. Но вот его взгляд и то, как он обыденно обратился к Вагарду и Банияте, бывших для него действительно детьми, говорило о том, что живет этот разумный не первое столетие. Да, возможно, он даже старше их деда, возраст которого давно перевалил за первое тысячелетие.

– Не знаю, какого демона вы приперлись сюда, – он выделил взглядом Бяту. – Особенно вы леди, но сейчас вам здесь не место.

– Мы пытаемся выйти обратно за Пелену, – проговорил Ваг. – Но нас не пускают, поэтому бежим в ту сторону, где меньше местных обитателей.

– Ясно, – кивнул своим мыслям мужчина, а потом передал младенца Банияте. – Подержи, а ты давай руку и терпи.

Аккуратно пробежав пальцами от плеча до запястья, он вернулся к локтю и вдруг сильно сжал руку парня. Послышался явственный хруст, но Вагард даже не успел вскрикнуть от боли, потому как сразу за этим от поврежденной конечности и по всему телу прошла волна непонятной силы, почувствовав которую, тот вдруг осознал, что рука вернула свою подвижность. Да и сам он может еще сутки бежать не останавливаясь.

Затем незнакомец повернулся к Банияте, забрал у нее дитя и на мгновение прикоснулся к ее открытой ладони. Щеки девушки полыхнули розовым румянцем, зрачки глаз неесте-

ственно расширились, и Вагард понял, что с ней произошло то же самое, что до этого с ним.

–А теперь слушайте меня внимательно, – снова сажая младенца в мешок и отправляя его за спину, проговорил незнакомец. – У вас есть ровно сутки, чтобы уйти за Пелену, как вы ее называете. За это время вас никто не побеспокоит, я имею в виду коренных обитателей этих земель. Но потом наступит очень сильный откат. У тебя, – посмотрел он на девушку, – из-за конфликта энергий, а у твоего брата – потому что он пока лишь «заготовка».

–Какой конфликт, какая заготовка? – непонимающе воскликнула девушка.

–Не перебивай, – покачал тот головой. – Времени совсем не осталось, поверь мне. Вы должны выжить, чтобы постараться донести до всех разумных следующие слова: «Прорывы инферно уже реальность, пока только в Сумеречных Землях, но это только пока. Придет время, демоны найдут способ делать проходы в любую точку Абидалии». А теперь идите, мой путь заканчивается здесь. Я чувствую это.

Слушая сначала с полным недоумением и с крепнувшей уверенностью, что у этого воина не все в порядке с головой, к концу его короткого монолога и Вагард и Банията поняли, что все, что он рассказал, правда. От первого и до последнего слова. И нужно делать так, как говорит этот странный незнакомец.

–Отдай дитя, – протянула руки девушка, но увидела, как

мужчина отрицательно покачал головой.

– Это не его путь. Даст Гончар – вы еще увидите. А теперь бегите и не оглядывайтесь. Скоро здесь будет жарко.

Переполненные непонятной для них энергией, парень и девушка сорвались с места с такой скоростью, что подняли за собой стену взметнувшихся листьев, сухой травы и иголок. Но прежде, чем исчезнуть в густом подлеске на краю поляны, они синхронно обернулись и увидели, как в непонятном радужном мареве исчезает странный незнакомец, а потом услышали, как в утреннем лесу затихают его слова: «Меня звали Валод».

* * *

В горах, окруживших живописную долину, расположенную на побережье Радужного залива, недалеко от легендарного Примаграда, в большой пещере, на берегу озерца, освещенного лучами солнца, падающими через отверстие в высоком своде, вдруг как живое встрепенулось деревце. Вообще, это деревце больше походило на сухую корягу, незнамо как цепляющуюся своими корнями за каменный пол. Однако единственный, пусть и скрученный в трубочку листочек говорил о том, что где-то глубоко внутри этого изломанного временем ствола все еще текут живительные соки.

Листочек, который должен был давно слететь вслед за своими собратьями, подрагивая на ножке, стал разворачиваться

и наливаясь малахитовой зеленью, еще крепче цепляясь за казавшуюся мертвой ветку.

С самим деревцем тоже стали происходить метаморфозы. Затрещала кора, сращивая старые раны. Разогнулись ветви. И пусть они были голыми – это не помешало им тянуться вверх – к теплому светилу. Вздогнули корни, расширяя трещины в скальной породе. Кое-где даже брызнули осколки камня.

А под деревом, в небольшом озере с водой неестественно синего цвета вдруг стали водить затейливый хоровод непонятные сущности, сгустки некой белесой субстанции, похожие на маленьких осьминожек.

Глава 1

*Быть живым – мое ремесло
Это дерзость, но это в крови.*

Кинчев, «Алиса»

Земли, что раскинулись от северных границ Сарашских болот до Радужного залива на юге, упирающиеся на западе в полноводную Амплладу, а на востоке ограниченные Тохос-гребнем, можно было бы назвать государством, но это будет в корне неправильным суждением. Государства как такового, с сильной центральной властью здесь и в помине нет. Его не было на заре существования Абидалии, его нет и сейчас.

Семиградье – это территория независимых вольных городов. Территория кланов. Земли, которые манят разумных, как разлитый на столе нектар бабочек. Кто-то здесь становится по-настоящему вольным и счастливым. Кто-то меняет одно ярмо на другое. Для большинства эти земли вообще становятся последним пристанищем их бренного тела. Но в любом случае всем, пересекившим границу Семиградья, даются равные возможности начать жизнь с чистого листа.
Гранд Высокого Искусства империи Радогон Таулброк Итерим, монография «Вся Абидалия»

Почти месяц, по ощущениям Матвея, он смотрел увлекательный документальный фильм «Из жизни первобытных людей». По крайней мере, так ему казалось. Правда, если быть до конца откровенным, фильм был не таким уж и увлекательным, вернее сказать нудятина сплошная: молодой обнаженный парень с откровенно дебильным лицом был занят тем, что...

Жрал.

Жрал все. Жрал по принципу: «Все полезно, что в рот полезло». Корешки, паучки, какие-то слизни, сочные зеленые побеги, показавшийся на свою беду этому троглодиту зверек, очень похожий на ежа. Птичьи яйца: и совсем свежие, и из которых вот-вот должны появиться птенцы. Даже трупы недавно умерших или растерзанных хищниками животных. Все, что имело хоть какую-то энергетическую ценность, шло этому проглоту в пищу.

На ночь «неандерталец» забирался в нору под корнями большого дерева, закупоривая колючим кустом лаз. А утром снова выходил «пасться».

Была, правда, во всем этом одна странность, которая настораживала парня. Даже можно сказать пугала. Молодой абориген, с лицом, не утяжеленным печатью интеллекта, был очень похож на Матвея Владимировича Хантова – то есть его самого.

Последнее, что он помнил из предыдущей жизни – это гул и свет приближающегося локомотива, затягивающий его те-

ло непонятный омут и вроде сильный удар в голову. Но в последнем не уверен.

После этого все. Никаких плаваний в Великом Ничто, никаких светящихся тоннелей, никаких Высших Судов, определяющих место твоего дальнейшего существования: райские кущи или сковорода чертей. «Щелк», и он смотрит на себя со стороны, ползающего по поляне в небольшой рошице незнакомых деревьев, голым задом кверху, и тянет в рот всякую гадость. Брр-р.

И так, по внутренним ощущениям, целый месяц.

«Блин, может, это и есть Чистилище? – подумал тот, кто считал себя Матвеем Хантовым. – Смотреть, не имея возможности что-то исправить, во что ты превратился из молодого и сильного мужика. Чем не наказание за несправедно прожитую жизнь?»

Как он не сошел с ума, если с ним в данной ситуации такое вообще было возможно – он не знал. Вернее предполагал, а если быть еще более точным, то надеялся на то, что отцовское воспитание, бывшее ему костылем в трудных ситуациях, помогло и здесь.

А он говорил:

– Матюха, запомни, паниковать, рвать от безысходности на себе по всему организму волосы и жалеть себя можно начать в любой момент. Вот только ни первое, ни второе, ни третье никогда еще к чему-то хорошему не приводило. Осмотрись, оцени правильно ситуацию, прикинь возможные

варианты дальнейших действий. А потом действуй по обстоятельствам.

Вот и осматривался он. Нет, не так, смотрел на самого себя целый месяц, пытаясь оценить и прикинуть. И НИ-ЧЕ-ГО. Ничего ему в голову, если она у него была, не лезло.

«Похоже, пора паниковать, – подумал Матвей, ну или тот, кто себя таковым считал, и закричал. – Это хреновое голливудское кино задолбало. Я спрашиваю: где Гайдай, мать вашу? Где добрые советские фильмы?»

«Это не Чистилище и это не кино», – как гром среди ясного неба вдруг ворвался в его голову слабый голос. Какой-то обезличенный, бесполой, то есть сразу и не определишь, кому он принадлежит: мужчине или женщине.

«Кто это? – истерично закричал он. Вернее подумал, что закричал. – Кто со мной говорит? Где я? Почему я не чувствую своего тела? Что...» – как горох из рваного мешка посыпались из него вопросы. А еще он почувствовал, что липкая паутина паники все же потихоньку стала накрывать его сознание.

«Мат'Эвэй, возьми себя в руки, не разочаровывай меня».

«Какой на хрен Мат'Эвэй? Где ты? Ну, покажись и сделай так, чтобы я смог чувствовать свое тело, тогда и поговорим. Я объясню тебе, как связываться с боевым пловцом, сука. Я так с тобой поговорю, что...»

Истерика прекратилась внезапно. Матвей уже не видел того дебелого, кормящегося на поляне парня, не слышал ни-

какого голоса, не мог думать и говорить сам. Единственное, что он осознавал – это то, что пока еще существует. Каким образом и в каком качестве, не знал. Он и до этого не знал, кто он: дух, сущность или еще какая бестелесная мутотень. Уверен был в одном – окончательно он еще не умер.

«Успокоился?» – через какое-то неопределенное время снова услышал он все тот же голос.

«Да», – коротко ответил парень.

«Тогда слушай меня и не перебивай. Готов?»

«Наверное», – еще один короткий ответ.

«Сейчас я попробую ответить на большинство вопросов, что роятся в твоей голове. Но предупреждаю сразу, мне очень тяжело связываться с твоим сознанием. Подожди, – словно почувствовав, что Матвей готов снова взорваться, предупредил голос, – не спеши. Если выслушаешь, то многое поймешь. Что ты помнишь?»

«В смысле?»

«В прямом. Ты помнишь свою прошлую жизнь?»

Голос замолчал, словно давая парню время покопаться в своей памяти.

* * *

Голова стоящего на коленях мужчины дернулась, а потом медленно стала подниматься от груди, на которой она безвольно лежала до этого момента.

–Интересно, – шепеляво прошептали разбитые губы, с запекшейся на них кровью. – Меня грохнули или я все же живой? Если грохнули, то почему мне так хреново? Меня, что танк переехал? Ох, ё! – болезненно скрежетнув зубами, поморщился мужчина, попутно осознав, что их число уменьшилось. На какое количество – пока не понятно, но, попытавшись облизать губы, понял, что передних верхних точно нет.

Нет, на рай, если таковой существует, старший лейтенант Хантов особо-то и не рассчитывал.

«Какой может быть рай, когда у меня такой послужной список, что, увидев его, апостол Петр закрыл бы на время свои врата. Повесил на них табличку «Перерыв 15 минут» и, взяв меня под белые рученьки, лично бы сопроводил к своим оппонентам, которые обитают совсем не на небесах, передав из рук в руки, – думал он. – Но ведь после смерти вроде как душа должна страдать? Наверное».

Не силен был в теологии молодой офицер, хотя и искренне верил в то, что за нами присматривают сверху. Но, несмотря на это, в храмы ходил редко, придерживаясь правила: «Храм должен быть из ребер».

«Но у меня-то тело болит, каждая его клеточка. Меня что, через мясорубку пропустили? И почему я стою на коленях, а мои руки, обхватив столб за спиной, скованы наручниками?» – снова подумал мужчина.

С каждой минутой число вопросов увеличивалось в гео-

метрической прогрессии, но вот вразумительных ответов на них не было.

К горлу подкатила тошнота, и он согнулся, чтобы исторгнуть из желудка его содержимое, каким оказалась одна лишь желчь.

– Видимо, выbleвал все давно, – глубоко задышав после спазма, вновь забормотал привязанный к столбу мужчина и стал крутить по сторонам головой.

Хотя, что он мог увидеть, когда его лицо разнесло так, будто он с дури, ради интереса или на спор, сунул его в пчелиный улей и держал там до тех пор, пока сами пчелы не вытолкали его наружу, попутно нашипиговав своими жалами, чтобы, как говорится, неповадно было.

– Чем это воняет так? – поморщился он. – Это же... креозот? Не понял, я что, на складе шпал?

Мужчина, застонав от нестерпимой боли, перенес вес на правое колено и после довольно продолжительной возни, сопровождаемой комментариями на «великом и могучем», смог наконец поставить левую ногу на ступню.

– Хрен вам всем, мы еще пободаемся, – тяжело, но с чувством хорошо выполненной работы, произнес мужчина. – О, поза, как на выпуске, когда со знаменем прощались. Правда, руки там нам не вязали к столбу и морд на прощание не били. Потом, после банкета, когда отзвучали напутствия генералов и родственников, и было выпито маленькое море спиртного – было дело. Помню. Но мундира мы не позорили – ушли

подальше, в место потемнее, и по-мужски поговорили. А потом, переодевшись и сказав: «Мы требуем продолжения банкета», в обнимку отправились искать приключений на тот орган, что находится примерно посередине тела каждого человека, если смотреть на него со спины. И ведь нашли.

Наклонив голову, мужчина стал тереть о колени глаз, надеясь, что он не открывается только потому, что ему не даст это сделать запекшаяся на нем кровь, склеившая ресницы подобно хорошему клею. Его надежды оправдались. Пусть и с трудом, но сквозь узкую щелочку он все равно смог рассмотреть вдали светлое пятно окошка в виде мышинной норки, как ее рисуют в мультфильмах, и блеск бегущих от его ног рельс.

–Поздравляю, Матвей Владимирович, вас все же достали, – грустно произнес мужчина, но вместо того, чтобы биться в истерике, звать на помощь или пытаться освободиться, вдруг запел:

Снова новый начинается день,

Снова утро прожектором бьет из окна...

Недавние события взорвались в памяти яркими красками. Небольшой пустынный, слабоосвещенный сквер по пути от железнодорожной станции до автовокзала. Семь мальчишек, раскладывающих на скамейке совсем юную девчонку. Ее полыхнувшие надеждой глаза, когда она увидела Мат-

вея. Слабая попытка вразумить насильников. А потом бой. Именно бой, а не драка, потому как в руках отморожков появилось оружие: от ножей и бит до травмата.

–Нет, Матюха, – вынырнул он из собственных воспоминаний и на всякий случай еще раз подвигал руками за спиной. Чуда не случилось, наручники были прибиты к столбу скобой. – Для тебя это не новый день, а последний. Вот уроды ненормальные. Больные отморозки. Нет, чтобы помазать лоб зеленкой и досвидос. Как же, надо что-то оригинальное придумать. Притащить в этот тоннель, столб вкопать или вбить, меня к нему приковать. О, – прислушался Матвей, – вот и поезд. Какой-нибудь магистральный локомотив 2ТЭ116, и сейчас мне в глаза будет не утро прожектором бить, а этот самый прожектор. Одно радует: трое из банды сынков богатых родителей, скорее всего, навсегда потеряют интерес к женщинам. Да и девушка, вроде спаслась. По крайней мере, перед тем, как потерять сознание, я видел мелькание ее изодранного платья очень далеко.

Зев тоннеля еще не загородила туша многотонной машины, но вот ее далекие гудки были слышны уже хорошо. Да и рельсы, как это бывает при приближении железнодорожных составов, тревожно загудели в тиши тоннеля.

–Вот сейчас и узнаем, правда ли это, что человек перед смертью вспоминает всю свою жизнь, – ухмыльнулся молодой мужчина.

Но как он ни старался сосредоточиться, наблюдая за при-

ближающейся машиной, и вспомнить хоть что-то, в голову кроме слов: «Прости, батя, прости, мам, ну не мог я пройти мимо той девчонки, которую окружила охреневшая от безнаказанности стая мажоров», ничего не лезло.

Ну а тело не допело чуть-чуть,

Ну а телу недодали любви.

Странное дело.

Вспомнив последние строки так любимого им исполнителя, старший лейтенант Хантов грустно улыбнулся.

Уже надрывался в истошном гудке тепловоз. Уже дрожали под его тушей рельсы, расшатывая в старых шпалах костыли, когда он ощутил, как его тело словно втягивает в какую-то воронку.

Он даже успел почувствовать холод стальной машины и произнести любимую фразу его младшего брата, повторяемую тем по поводу и без, после просмотренного и так полюбовавшегося мультя.

–Эни-бени-раба.

А затем свет для него померк.

* * *

«Я умер?» – осознавая произошедшее с ним, задал вопрос Матвей.

«Почти, – тут же ответил голос. – Тебя спас твой Поводырь, твой Соратник».

«Какой еще поводырь?» – совсем спокойно спросил парень.

Смысл суетиться, если от его крика и угроз ничего не меняется? А так хоть с ним заговорили. Неважно кто, главное, что у него появилось ощущение, что он не один.

«Тот, кто сейчас управляет твоим телом и не дает ему загнуться от голода».

«Значит, вот это голое недоразумение все же я?»

«Да, а теперь слушай. Я не буду щадить тебя и твое сознание. Многое, что ты услышишь, для тебя окажется невероятным, но это будет правдой от первого и до последнего слова. Поэтому еще раз прошу не перебивать, даже осознав, что привычное мироощущение и миропонимание рушится у тебя на глазах.

На самом деле ты не человек – ты приам, если быть еще точнее, то ты пока лишь заготовка приама и зовут тебя Мат'Эвэй Валод. Ты вернулся в свой родной мир. По каким причинам ты оказался в другом мире – узнаешь позже. И сделаешь это сам, когда с тобой до конца сольется Поводырь, став Соратником. После этого получишь доступ к родовой памяти приамских Лордов. По крайней мере, будем надеяться на это».

«Кто такой Поводырь или Соратник?»

«Если объяснять на понятном тебе языке, то это сим-

бионт, способный сосуществовать только с приамами. Это не паразит, а именно Соратник, наделяющий своего носителя очень полезными свойствами и умениями. Кстати, только Лорды-приамы рождались, уже имея в организме симбионта. Остальные получали своего Поводыря в годовалом возрасте во время инициации. Некоторые не получали никогда. Носителя себе выбирает сам будущий Соратник.

Поводырь Лордов тоже требует пробуждения, его нужно подстегнуть к активным действиям, иначе слияние со своим носителем у него может затянуться на сколь угодно долгое время. Обычно пробуждение происходит в Источнике.

Пока понятно?»

«Если не говорить о том, что я так и не понял, кто сейчас рулит моим телом: поводырь или соратник? Если не уточнять, какая вообще разница между ними? Если не спрашивать, что такое источник? Кто такие эти приамы, Лорды и прочая пихня, то да, – сказал Матвей, – остальное понятно. Вот только с каждым твоим словом все больше ощущаю себя куклой Петрушкой, в задницу которой воткнули руку и крутят ей туда-сюда. А еще пугает то, что мое тело из твоих же слов похоже на инкубатор, из которого вот-вот появится чужой. А так да, все понятно».

«Чужой? Нет-нет... – Матвею даже послышался смех в интонациях его собеседника. – Выдумки Империи Грез выдумками и остаются. Но в настоящий момент твоим телом действительно управляет Поводырь. Ну а то, что ты не рас-

терял способность язвить – это даже хорошо. Значит, твоя личность прекрасно сохранилась вне твоего тела.

Разницы между Поводырем и Соратником как таковой нет. Это как возраст у разумных. Дитя, отрок, юноша и, наконец, мужчина. Только у симбионта два таких возраста. Поводырь – когда он, скажем так, сливается со своим носителем и наставляет его на Путь. И Соратник, когда они вместе идут по этому Пути. Причем до самого конца».

«Подожди, – перебил собеседника Матвей. – Не грузи меня этой шаолиньской мутью про Путь, его выбор и прочие дзены. Ты вот что мне скажи?»

«Ну что еще?» – в голосе послышались нотки раздражения.

«Ответь, почему я тебя понимаю с пятого на десятое?»

«Поясни».

«Я знаю, что такое симбионт, представляю того самого чужого, о котором говорил. Но понятия не имею ни о какой империи грез, чьей выдумкой он является по твоим словам. И вообще, моя память мне напоминает книгу, у которой страницы заляпаны чернилами. Там где клякса – пустота. Но самое главное, почему я почти не помню своих родных, лишь неясные силуэты, ну за исключением отца? Его образ светится довольно ярко».

«Понимаешь, твоя жизнь действительно могла закончиться в том тоннеле.

Твой симбионт стал пробуждаться, когда тебе было семь

лет. Не знаю, помнишь или нет, но твои приемные родители наверняка очень удивились, когда ты стал расти как на дрожжах. Это будущий Соратник подключился ко всем физиологическим процессам, что стали происходить в твоём организме. Но, оторванный от родного мира, делал он это очень медленно, хотя в сравнении со своими сверстниками ты все равно рос намного стремительнее».

«Не называй моих родителей приемными, – хмуро произнес парень, снова перебив говорившего. – Даже, если ты меня не обманываешь, это единственные мои родители. Их я хотя бы помню, пусть и смутно».

«Как знаешь, но суть не в этом».

«И ты так и не ответил на мой вопрос».

«Я как раз к этому подхожу, наберись терпения. Самопроизвольное пробуждение Поводыря, конечно, хорошо, но вот слияние его с носителем может затянуться на неопределенное время. В Источнике этот процесс занимает от нескольких часов до нескольких суток. По окончании слияния твой мозг, помимо всяких там мозжечков, больших полушарий, эпифизов и так далее, приобретает еще одну область – вместилище Поводыря. Но не думай – это не кукловод. Как я и говорил ранее, скорее это твой друг, который не бросит и не предаст.

Тогда в тоннеле, почувствовав, что тебе угрожает смертельная опасность, он сделал все, чтобы спасти тебя и себя. А так как он является частицей этого мира и его якорь, если

можно так сказать, находится здесь, то он и вытащил тебя в свой и твой родной мир. Правда, сделал это не совсем быстро, локомотив все же задел тебя, точнее твою голову. Ему пришлось отключить сознание, а потом выкинуть твою сущность из твоего же тела, заблокировать некоторые участки мозга и начать его латать, чтобы спасти. Некоторые участки его потеряны безвозвратно. Возможно, как раз в них и находилась информация о твоей семье и всего того, что сейчас у тебя вызывает непонимание и недоумение».

«Но я хорошо помню отца, тоннель, в котором меня по рельсам размазал поезд. И много еще чего», – возразил парень.

«Мозг – очень сложная штука. Ни в том мире, где ты жил до двадцати пяти лет, ни в этом, где ты появился на свет, так до конца и не разобрались с ним самим и как он работает. Теорий, версий, предположений и утверждений множество, но единого мнения нет. Особенно это касается работы мозга. Некоторые ученые на Земле вообще полагают, что мозг человека задействован всего на десять процентов своих возможностей, другие говорят, что это миф. Поэтому очевидного ответа на твой вопрос у меня нет. Я могу только предположить: все, что ты помнишь, было связано в прошлой твоей жизни с яркими эмоциями».

Матвей на некоторое время задумался. Действительно, с отцом его связывала какая-то невидимая пуповина. Сколько он себя помнил, он был с ним везде. В части, когда служба

позволяла ему взять с собой сына, на рыбалке, в яме под старым «жигуленком» при очередной его реанимации. На «тихой охоте» за белыми крепышами в тайге, на охоте «громкой» там же, когда стоял с ним на номере, старательно изображая из себя совсем даже не замерзшего пацана. В спортзале, на лыжной прогулке, на катке, в бане, в конце концов. На очередном посещении директора школы, к которому ходил исключительно отец, если вызывали родителей за очередную шалость их гиперактивного сына.

«Так что твой Соратник тебя буквально выцарапал из цепких лапок Смерти, а ты его кукловодом обзываешь», – вырвал парня из раздумий голос.

«Людоеды тоже, наверное, откармливают свою жертву, чтоб пожирнее была, перед тем как в котел кинуть», – буркнул тот.

«Мда», – в интонациях собеседника Матвея проскочили нотки не то жалости, не то просто неодобрения. Впрочем, дальше «хмыка» дело не пошло, поэтому парень этого даже не заметил.

«Ты говорил про Сущность – это душа – что ли?»

«Можно и так сказать».

«Лучше бы этот Поводырь помог, когда я с мажорами разбирался, тогда, может быть, и не получил бы битой по затылку и не оказался в том тоннеле», – пробурчал Матвей.

«Это еще раз говорит о том, что ты не марионетка, – возразил ему голос. – В данный момент твое тело живет на про-

стейших инстинктах, но процесс восстановления уже практически завершен. Будущий Соратник отлично постарался.

Скоро твое сознание и твоя сущность возвратятся в тело, они и так слишком долго были вне его. Ты почувствуешь направление к Источнику. Сделай все, чтобы оказаться там как можно скорее. Тебе нужна твоя родовая память и все твои возможности. Поверь мне. После этого вопросов ко мне у тебя практически не останется. Хотя, – на мгновение задумался голос. – Возможно, их станет еще больше. Такого приамского Лорда этот мир еще не знал. И возможно это даже к лучшему.

А теперь до встречи, я и так практически исчерпал все свои возможности, так долго беседуя с тобой.

Да, последний совет. Веди себя так, словно ты заброшен на вражескую территорию. И не пугайся, если вдруг будешь внезапно ловить себя на мысли, что то или иное тебе давно знакомо. Твоему Соратнику черпать силу из родного мира намного легче, он сейчас буквально купается в ней, а значит, и полное его слияние с тобой пойдет намного быстрее. А вместе с этим будут открываться и твои новые возможности. Но еще раз повторяю – поспеши к Источнику, это нужно в первую очередь тебе».

«Кто ты?» – все же успел задать вопрос парень, чувствуя, что собеседник еще не исчез.

«Я всего лишь Глас», – было ему ответом.

«А я Матвей Хантов, – решив оставить за собой последнее

слово, прокричала новоиспеченная заготовка какого-то там приама. – Уж это я помню точно, поэтому не смей называть меня Мат’Эвзем».

Вновь почувствовать свое тело было сродни еще одному рождению. Теперь он понимал слова, сказанные ему когда-то его боевым товарищем, получившим в одну из командировок пулю в область позвоночника, когда после трех лет всевозможных реабилитаций и десятка операций он все же смог встать и сделать первые шаги.

–Каракал, – сказал он тогда, обращаясь к другу по его отрядному позывному, – ты даже не представляешь, как это – снова стоять. Стоять и чувствовать вес своего тела. Чувствовать под ступнями землю, а не сиденье инвалидной коляски под задницей.

Теперь он это представлял. Лежа на спине с раскинутыми в сторону руками, он радовался теплым солнечным лучам, изредка пробивающимся сквозь кроны лесных гигантов. Срывал сочную траву, слыша обиженный треск стебельков. Шевелил пальцами на ногах, прогоняя заинтересовавшихся ими насекомых. Дышал полной грудью, с удовольствием сознавая, что не чувствует запахов, присущих технологическому миру. Даже в тайге, куда они с отцом ходили, пока он рос и потом, когда он приезжал в короткие побывки, не так пахло.

«Отец, мама, младший брат».

Образы, необычайно яркие, словно живые, пришли так

неожиданно, что он на несколько секунд задержал дыхание, боясь спугнуть кусочек всплывших воспоминаний.

Матвей вдруг явственно понял, что больше не увидит их никогда. Что эта прогулка в иной мир (или родной, если верить Гласу), спасшая ему жизнь, была дорогой в один конец. Ну что ж, он давно научился с достоинством принимать все удары судьбы. У родителей есть еще Ванюшка, который, несмотря на все уверения врачей, даже вопреки им, все же появился на свет. А Матвей их будет помнить. Помнить и любить.

Отгоняя от себя не совсем радужные мысли, парень рывком вскочил на ноги и... брякнулся обратно – это тело было не его. Вернее тело-то как раз принадлежало ему, но он никогда не чувствовал в нем столько энергии. Он сейчас, наверное, смог бы завязать в узел ствол танковой пушки. По крайней мере, ему так казалось.

– Или в этом мире притяжение меньше, или это способности моего Соратника, вернее, мои способности, но полученные благодаря ему, – пробормотал молодой человек. – Если первое – нужно заново учиться двигаться. Если последнее, то где ж ты был раньше, дружище? Поотрывали бы тем отморозкам головы и сказали бы, что так и было.

А в следующую секунду он почувствовал, как будто кто-то внутри виновато пожимает плечами. По крайней мере, именно так ему показалось.

– Я сейчас, наверное, действительно похож на сумасшед-

шего, но если я не скажу то, что должен сказать, то даже не представляю, как мы будем с тобой уживаться. Это я тебе говорю, слышишь? – постучал костяшками пальцев себе по макушке Матвей. – Я лучше разобью свою голову о первый попавшийся булыжник, чем позволю манипулировать собой. Ты понял? Защищай, помогай, подсказывай, советуй. В критических ситуациях, как, например, было с паровозом, бери наши ноги в наши же руки и выноси, родимый, обоих. Но предупреждай. Иначе мы расстанемся навсегда самым кардинальным способом. Если ты сидишь в моей голове и имеешь доступ к моим мыслям, то должен понять, что я не блефую и способен на самые безумные поступки, – он замолчал и прислушался к себе. – Вот ёкарный бабай, я действительно становлюсь дебилом – говорю сам с собой.

Но вдруг почувствовал какие-то отголоски эмоций, больше всего похожие на эмоции обиженного ребенка, когда у того загибается и начинает дрожать нижняя губа, собираются на маленьком лобике морщинки, взлетают вверх брови, опускаются уголки глаз, и из них вот-вот польются слезы.

–Эй-эй, – потряс он головой, словно собираясь взболтать ее содержимое. – Ты эту хрень бросай. Я до конца досмотрел и «Белый Бим, черное ухо» и «Хатико» и не только не плакал, даже взгрустнулось совсем чуть-чуть. Меня ни одна из моих женщин не смогла взять на слезу, так что меня этим не проймешь. Вот и хорошо, – почувствовав, что обиженные нотки из эмоций исчезают, проговорил он. – Если мы дей-

ствительно вместе до конца этой жизни, давай проживем ее так, чтобы наше существование надолго запомнил этот мир. Лучше ярко гореть, чем тлеть и дымить. Я помню, так говорил мой батя. И не важно, сколько нам местные кукушки лет накукуют. Согласен?

В ответ пришло приятное тепло, окутавшее тело, чувство поддержки и полное одобрение его мыслям.

– Вот и ладошки, – улыбнулся Матвей, но вдруг его лицо превратилось в брезгливую маску. – Я не понял – это от меня так воняет? – поморщился он, когда понял, что к лесной свежести примешивается запах потного, давно немытого тела.

Сложив ладони лодочкой, он выдохнул в них и тут же втянул ноздрями воздух.

– Фууу, – протянул вслух. – Тут никакой дирол с колгейтом не помогут. По крайней мере, не за один раз. Нужна река. Стоп, Матюха. Тпрру, Зорька, вернее стоять, Гнедко, – тут же осадил он себя, резко сел, скрестив ноги, и задумался.

«Так, что мы имеем. Да ни хрена мы не имеем. Языка не знаю, обычаев тоже. Ничего не знаю. Может, здесь и рабство есть? Вот что-то мне говорит, что есть. Никакой родовой памяти я не чувствую, зато ощущаю направление, о котором говорил Глас: на местный юг.

И опять стоп. Жить тебе, Матвей, здесь долго, точнее всегда, может, даже счастливо (чем черт не шутит), так что сразу отвыкай от мысли, что ты здесь чужак – может выйти боком. Помни слова Гласа о том, что вести себя нужно, как

на территории врага. Вот здесь я с ним полностью согласен. Кстати, и дальше притворяться умалишенным не такая уж и плохая идея. То, что голый – ерунда. Мне стесняться нечего и некого. Самая лучшая отмазка, которую я в том мире просто ненавидел: «Меня тут никто не знает». Если не знает, значит, в животное надо превращаться? Но в данном случае извините, люди местные, того требует конспирация, так сказать. А я потом бабушку через дорогу переведу, чтоб уравновесить свои деяния добрым поступком.

Так, Остапа понесло – это нервное. Наверняка. На чем я остановился? Точно, я никого не знаю, меня тоже. Под открытым небом пока тепло. А там будем посмотреть. Главное сейчас – первых аборигенов этого мира встретить».

– Держись, Абидалия, – распрямляясь пружиной и подлетая над зеленым ковром травы на пару-тройку метров, воскликнул Матвей. – О, я уже знаю название этого мира и его самого большого материка. Держись, Абидалия, северный немытый варвар, в прямом смысле этого слова. Злобный русский медведь вырвался из клетки. Это вам не какой-то там приам. Это будет посильнее, чем Фауст Гете, мак-каламак¹.

Пружинисто приземлившись на ноги, парень взглянул на верхушки деревьев, прислушался к шуму ветра в их кронах, принялся к лёгкому ветерку и, долго не раздумывая, легкой, немного дезориентированной, дерганой походкой (не привык еще полностью к своему телу и его возможностям в

¹ То же самое, что и «ек-макарек».

новом мире), направился в сторону, где увидел стайку птиц, кружащих над одним и тем же местом.

– Ну, а что, – словно радуясь, что может не только мыслить, но и говорить, бормотал он себе под нос. – Если я считаю себя русским, а не каким-то там приамом – что в этом такого? Тот же грузинский князь Багратион, будучи при смерти, говорил своему племяннику: «Я оставляю тебе в наследство самое дорогое, что есть у меня – быть русским». За точность цитаты отвечать не берусь, возможно даже, что вся эта история была выдумана идеологами того времени. Но вот верить в это хочется. И это не пафос и не квасной патриотизм, как сейчас бы сказал какой-нибудь дерьмократ или либераст. Социум в любом случае накладывает свой отпечаток на человека, который в нем воспитывался. Вырос бы я в Северной Корее – махал бы портретами Ким Чен Ына, Ким Ир Сена и других Кимов на очередной демонстрации и свято верил бы в чучхе. Будь моей родиной Европа, возможно, гордо бы поднимал над головой радужный флаг. Не потому, что сам такой, а потому что толерантный, мать ее ети. Тьфу, – смачно сплюнул Матвей. – Как их земля-то носит до сих пор. Ни взять, ни отнять – содомиты, и этим все сказано. А американцы? Да с них пример надо брать: у каждого сарая флашток с воздетым звездно-полосатым. Правильно Кинчев пел:

Здесь слово «русский» не политкорректно.

Вот «россиянин» – это «чисто» и «корректно»...

—И опять вас не туда понесло батенька, – улыбнулся парень. – Ну и каша у меня в голове. Или это мне просто язык свой чувствовать радостно? А если серьезно, то со своими мыслями нужно быть осторожным. В том плане, что вслух их стараться не произносить. Мировую революцию я устраивать в новом мире не собираюсь, искусственно насаждать прогресс – тоже. В общем, свой устав оставляю только для себя и в чужой монастырь с ним не лезу. Вначале нужно просто осмотреться. А потом учиться жить заново в соответствии с местными реалиями.

Долго выбирать на обжитые территории не пришлось. Три часа неспешной ходьбы, и он оказался на укатанной до твердости камня дороге. Даже по виду было ясно, что пользовались этим путем часто. Стая птиц, которую он увидел с той поляны, где вновь осознал себя и обрел свое тело, как и подозревал Матвей, оказалась падальщиками, очень похожими на земных грифов. Они кружили над тушей мертвого животного. Возможно и лошади: по истерзанной шкуре и остову скелета, что остался от него, определить это было трудно. Оставалось дожидаться местных жителей, что и решил сделать Матвей, плюхнувшись прямо в пыль на обочине.

Первыми аборигенами оказались воины, обвешанные острыми железками, как кедр шишками в урожайный год. Скорее всего, это были наемники: ни единой формы одежды, ни

табельного, так сказать, оружия. Как говорил ротный: «Форма одежды номер восемь, что украли, то и носим». Загорелые лица, кучерявые бороды, в *том* мире носы с горбинкой – больше всего они были похожи на тех же персов, ну если они действительно были такими, как их принято показывать в фильмах и на картинах.

«Где эльфы, гномы и прочая нелюдь?» – подумал Матвей, старательно изображая дебила и раскачиваясь телом из стороны в сторону.

Встретившийся отряд, к слову сказать, был очень организованным и дисциплинированным. А их командир знал толк в военном деле. По крайней мере, расстановка была грамотной: передовой и тыловой дозоры, фланговое прикрытие. А в центре всего этого построения карета на самых обычных рессорах и с колесами, обутыми во что-то типа литой резины.

«Вот тебе и отсталый мир, – подумал парень. – Не удивлюсь, если здесь есть СМИ, многопартийность и огнестрел. Хотя последнее вряд ли. На бойцах ничего похожего хотя бы на кремниевый пистоль нет. А жаль, мне бы какой-нибудь карамультик пригодился».

Знал бы он, как будет близок к своим суждениям, во всяком случае, в отношении СМИ.

Из кареты выбрался тип, одного взгляда на которого было достаточно, чтобы без разговоров залепить ему в рыло двочку. В первую секунду Матвей даже пожалел, что просто не

ушел по той «путеводной нити», которую теперь отчетливо чувствовал. То самое направление. Закоулками, буреломами, оврагами, но чтобы вот с такими личностями не видеться сто лет.

Вот есть такие люди. Ты даже не видел его еще ни разу, не знаешь, чем живет, чем дышит, а он уже вызывает у тебя чувство глубокой антипатии. Часто бывает, что первые впечатления ошибочны и под «омерзительной маской» скрывается вполне себе адекватный, добрый, честный человек. Но только не в этот раз.

Мужик смотрел на него, как на скаковую лошадь, прикидывая в уме, ставить на нее деньги или лучше пристрелить сразу. А еще лучше пристрелить и продать на мясокомбинат, на колбасу.

—Гыр-гыр-гыр, – что-то протявкали тип наемнику, наверняка командиру, после чего парня подняли, укутали в старенький, но еще добротный плащ и усадили в карету.

«Ладно, хоть на лошадь не посадили, – подумал он тогда. – Вот шоу было бы для местных. Сидеть я, конечно, сидел на этих животилах, даже катался шагом, но вот наездником ни разу не являюсь. И кстати, я ни хрена не понимаю местную речь. Эй, Соратник, ты слышишь меня? Давай уже помогай. А то тебя Глас расхвалил, а подвижек в своем совершенствовании я пока не вижу. Возможности тела пока отставим, мне сейчас стрелы зубами ловить не надо. Нужна информация, а без знания местного языка много ее не насобираешь».

«Делаю все, что могу», – именно так понял он отзвуки своих же мыслей и про себя улыбнулся: «Я прям как двуликий Янус, ну а с точки зрения какого-нибудь дохтура с Земли – просто шизофреник. Ты, главное, не расслабляйся, Матюх, и не улыбнись в открытую, а то не так могут понять, – тут же одернул он себя. – Хотя идиотская улыбка будет в моем случае как раз к месту».

Вместе с Матвеем и тем типом, что вызвал у него просто какое-то нереальное отторжение, в карете находился еще один человек: он сидел напротив и был старше парня, но младше его соседа по сиденью. Они обменялись несколькими фразами, после чего замолчали, погружившись в свои мысли. Вернее старший мужик действительно о чем-то думал, подперев подбородок ладонью с холеными, ухоженными ногтями. А вот тот, что помоложе, внешне очень похожий на главного в этом курятнике (а кто как не главный может раздавать направо и налево приказы?), с глупой улыбкой уставился в окно. Вот у него она уж точно была не наигранная. Это Матвею постоянно приходилось следить и за своей мимикой, и за моторикой тела, и за своим поведением – вдруг подумают, что он нормальный? Тот же вел себя настолько естественно, что никаких мыслей об игре просто не возникало. Да и зачем ему разыгрывать спектакль? Перед кем?

Решив не отставать от компании, парень тоже решил немного поразмыслить.

Ставить себе какие-то цели, ну там по завоеванию мира, он не собирался. Ни сейчас, ни потом. Он уже решил, что будет просто жить. Жить, как судьба положит. А там видно будет.

Делать выводы о местных аборигенах тоже рано. Это как судить об игре той же сборной России по футболу по одному отдельно взятому игроку. По отдельности они, может, и хорошие футболисты, даже в иностранные клубы их покупают. Иногда. Но вот как соберутся в команду, то стадо стадом. Впрочем, он никогда не любил футбол.

А вот подумать о том, какой «начальный капитал» он имеет на старте в новом мире, – это действительно важно. И первым плюсом, а может даже единственным, в копилку идут его физические возможности. Не те гипотетические, о которых вещал Глас, а те, которые он уже имеет. Матвей реально смотрел на вещи, единственное, что он умеет очень хорошо – это воевать. И пусть реалии здесь совсем не те, что на Земле – это ничего не меняет.

Правда, сразу вставал в полный рост другой вопрос. «Калашей», «абаканов», «винторезов», да даже сраного ПМа здесь нет и, скорее всего, не предвидится еще не одну сотню лет. Зато есть очень много острых железок, пользоваться которыми нужно уметь. Только вот для Матвея в настоящее время разницы между тем, что будет в его руке – меч или дубина, нет никакой.

Хотя тут тоже как поглядеть. Ножом и саперной лопаткой

как оружием его пользоваться научили и довольно хорошо. А уж метать все, что может воткнуться, – это вообще любимое занятие с самого детства. Так что совсем уж беззубым перед местными бойцами он не окажется. Рукопашку тоже можно писать в зачет, как-никак у него батя был инструктором и привил любовь к бою без оружия с молодых ногтей. И вроде все. Знания технологического мира могут быть как полезными, так и хламом, который здесь применять возможности не будет. Да и не собирался он устраивать здесь революций: ни цветных, ни технологических, ни экономических, ни сексуальных. Об этом он уже думал и мнения своего не изменил. Каждый должен идти своим путем, неважно, человек это или целый мир. И набивать шишки на этом пути тоже должен сам. Учиться на чужих ошибках – это только звучит красиво. Реальность же такова, что иногда приходится наступить на одни и те же грабли несколько раз и набить шишку, прежде чем поймешь, что это больно и неправильно.

«Ну что ж, – подумал Матвей. – Не так уж и мало, – а потом мысленно хлопнул себя по лбу, – как я мог забыть. Да я в первую очередь об этом должен был подумать. Или это только сейчас у меня проявился еще один кусочек памяти?»

А разорялся парень не просто так. Когда он со всей семьей переехал к последнему месту службы отца в Улан-Удэ, то неожиданно увлекся луком. Не спортивной стрельбой, а изготовлением настоящих реплик с древних образцов, какими пользовались наши предки много столетий назад. Ну и,

естественно, их последующим испытанием.

Увидев на одном из этнографических фестивалей, как старый якут на мастер-классе рассказывает и показывает, как изготавливается это древнее оружие, парнишка просто загорелся идеей научиться этому самому. Благо, что этот самый старик жил не где-то в яранге в тундре или тайге, а тут же в городе, где имел небольшой магазинчик, даже лавку, в которой торговал товарами народного промысла, втянув их немногочисленным туристам.

Порыв парня он тогда поддержал (спасибо ему за это) и стал делиться с ним знаниями в изготовлении луков: начиная от простого прямого, что-то типа английского или японского. И заканчивая сложносоставными азиатскими, выполненными из нескольких слоев и видов древесины, сухожилий и усиленными роговыми пластинами. Не сказать, что Матвей стал мастером в их изготовлении. Если честно, он так до конца и не сделал ни одного собственного лука. Да и литературы он прочитал по ним мало. Но вот сам процесс их создания, а самое главное последующая практическая стрельба очень ему нравились. Подбирать и готовить сухожилия, варить клей, подбирать, как пазл, древесину и роговые пластины. Но самое главное, слышать, как скрипят плечи оружия под силой твоих мышц, когда ты натягиваешь тетиву. Смотреть на острый кончик стрелы и знать, что на этом граненом наконечнике, возможно, живет чья-то смерть и только от тебя зависит, придёт ли она к кому-то сегодня.

Это не то же самое, что держать в своих руках, к примеру, пистолет.

«Ну, вот теперь, похоже, точно все», – подвел итог своим мыслям Матвей и вдруг понял, что вокруг него идет беседа. Мало того, он понимает ее: с пятого на десятое, через пень колоду, отдельные слова. Но общий-то смысл понятен, а это очень даже хорошо. Не став откладывать возможность узнать для себя что-то важное, он весь обратился в слух.

Как и предполагал парень, старший дядька был здесь какой-то шишкой: то ли главой рода, то ли еще кем-то, в общем бла-а-агородный. А раз так, решил он, значит, есть здесь и те, кто обслуживает всю эту кофлу: крестьяне, рабы и прислуга всякая. Следовательно, общество не однородное, а разделено по сословиям.

С воинами-«персами» тоже не ошибся – наемники во всей своей красе. Какие-то там таремаы. Что это: самоназвание наемников, какая-нибудь гильдия, сам отряд или, вообще, страна, из которой они вышли – он так и не понял.

Мужик помладше был его сыном, причем старшим, то бишь наследником. Правда, интеллектом не блистал. Это можно было понять, даже совсем не зная речи. Хватало того, как морщился и в какой-то безнадеге, закатив глаза, качал головой его отец, выслушав очередную реплику своего отпрыска.

Младшего звали Мадияр, а вот имени старшего пока не прозвучало, что не удивительно. Ну не будет же к нему сын

обращаться ваша милость барон такой-то, ну или как это здесь принято? И возвращались они из поездки по своим владениям, в которых, судя по всему, все было очень даже хорошо.

– Глупцы, – вздохнул, ухмыльнувшись, старший из попутчиков Матвея, поудобнее устроившись на мягком сиденье кареты и мазнув мимолетным взглядом по его лицу.

«Соберись, Каракал, – тут же мобилизовал себя парень. – Видимо, сейчас будет что-то интересное».

– Ты о чем, отец? – не понял его сын.

– Я говорю, какие же они все глупцы Мадияр, – посмотрел он на него.

– Кто?

– Да все эти Главы других кланов, – презрительно скривился он. – Кичатся количеством магов и воинов. Древностью крови, родовыми способностями и своей численностью и не понимают, что главное – это деньги. И только от их количества зависит сила клана. Вот смотри... – скрестил он на груди руки. – Взять, к примеру, нас – Скамма. По сути, мы самый малочисленный клан. Но если смотреть шире, то у нас больше всего и воинов, и магов.

– Отец, но они же все наемники? – решил возразить Мадияр?

– Ну и что, – пожал тот плечами. – Главное, они преданно служат нам... – Глава торжествующе ухмыльнулся, но тут же стал серьезным. – Слушай меня, сын, и слушай внимательно.

Шесть сотен лет назад, когда по всему Семиградью гремели клановые войны за окончательное установление и разграничение зон влияния, кто-нибудь мог подумать, что двадцать первым кланом, что останется в итоге на плаву, будет клан, состоящий исключительно из людей? – и сам себе ответил: – Да никто. Но факт остается фактом: наш предок, поддерживаемый своими партнерами из Полойского Торгового Союза, заплатив золотом и кровью наемников-тареамов, все же вырвал себе место под солнцем. Да не где-нибудь на задворках, а в Великограде – центральном городе этих земель. Всем потомкам первого Скамма и нам в том числе оставалось только не растерять то, что успел ухватить тот в свои крепкие руки, а еще лучше – преумножить.

И мы преумножали, с каждым новым поколением увеличивая подконтрольные земли и пополняя казну. Даже гномы, прирожденные торговцы, смотрят сейчас на нас с нескрываемым уважением. И это несмотря на то, что мы самая короткоживущая раса. Нет, при наличии денег, прожить три-четыре сотни лет совсем не проблема а если еще и одаренным окажешься, то и пять сотен не предел, но все же. Те же эльфы всех мастей, беркаты, ашшуры, дриады, наги и так далее гипотетически могут жить бесконечно долго. Другой вопрос, что даже до первого тысячелетия доживают единицы. Тут, как говорится, что на роду написано – тихая внутренняя война в Семиградье идет постоянно – это ты должен запомнить накрепко.

«А вот и нелюди появились, – записывая на подкорочку весь разговор, довольно ухмыльнулся про себя Матвей. – А то даже как-то грустно немного стало. Мир другой, а рожи все те же. Эльфы и гномы – это понятно, слышали. Дриады, впрочем, тоже. Что-то с природой связано. А вот беркаты, ашшуры и наги – ни о чем. Даже предположений нет, кто это такие? Впрочем, наги – это змеелюды. Точно, Ванятка картинки из какого-то комикса показывал, где был изображен мужик со змеиным хвостом. И он обозвал его тогда нагом. Дар какой-то, наверняка магия. Слушаем внимательно дальше, а ты, Соратник, не филонь – напрягись, чтоб я понимал побольше».

–Ты меня спросишь, к чему я все это говорю? – меж тем продолжал отец Мадииара и, увидев кивок сына, продолжил: – А к тому, чтобы ты старался правильно оценивать ситуацию вокруг. Запомни, будущее этого мира за людьми.

Пренебрежительное отношение к ним со стороны долгоживущих рас уже сыграло с ними злую шутку, в результате которой они оказались всем скопом в Семиградье. Ну как же, люди-человеки – пыль под нашими ногами.

А эти самые человеки в очередной раз доказали, что в настоящее время это самая живучая раса, способная приспособиться даже к самым суровым условиям жизни: будь то безводные южные просторы родины тареемов или, наоборот, – клочки плотно заселённой суши, окруженные сотнями лиг воды в Островной Империи Мадгаров.

«Пока вроде понятно, – вслушиваясь в рассказ, параллельно делал выводы Матвей. – Когда-то там давно люди собрались всем скопом и настучали по сусалам всем остальным расам, заперев их в каком-то Семиградье. Ну, или что-то вроде того. Что ж – это не удивительно, плодимся мы хорошо, а собраться толпой, чтобы отметелить кого-то, – вообще наше любимое занятие. Взять ту же Землю – война там идет постоянно. Но это все лирика. Конкретика нужна».

–Люди, словно стараясь успеть сделать как можно больше за отведенное им время, спешили, как могли, – продолжался рассказ. – Плодились, как грызи в подвале. Лили свою и чужую кровь. Рисковали, невзирая на последствия. Интриговали. Без сомнений втыкали в спину кинжал вчерашнему другу, если того требовала выгода. Обнимались с кровником. Продавали в рабство в другую страну самую близкую, но неугодную родню. Заискивающе улыбались сильным, гнобили без сомнения слабых. Да что угодно, лишь бы выжить. Лишь бы подняться на еще одну ступень выше остальных. Создавалось впечатление, что за много веков в них сосредоточились самые пакостные черты характеров и поведения, присущие ранее всем остальным расам.

«И в это верю. Человек – скотина такая, к нему почему-то быстрее прилипает всякая дрянь, чем хорошее. А уж утопить в дерьме соседа или встать на него, но чтоб твоя голова была обязательно выше уровня зловонной жижи, – это вообще прекрасно, пусть ты тоже стоишь в ней по горло, но

ведь не захлебываешься? Картина в моем исполнении получается, конечно, не самая радужная. И не все люди такие, по крайней мере, на Земле. Уверен, что не все, даже меньшинство таких. Но есть они, и становится их с каждым годом все больше. Ой, наболело, – покачал про себя головой Матвей. – Мир новый, а проблемы старые. А понимать-то я все лучше начинаю. Молодец, Соратник, так держать. Кстати, я ничего не пропустил?»

– Сейчас уже ни для кого не секрет, что лишь первая большая бойня – Война Тщеславия – была давным-давно затеяна долгоживущими расами и аристократами-магами из людей, которые, к слову, в то время по продолжительности жизни мало в чем уступали первым. А вот вторая и третья войны были инициированы исключительно людьми. И то, что они смогли втравить в них всех остальных разумных, до сих пор у многих не укладывается в голове, – спокойно, словно лектор, вещал мужчина. – По результатам Войны Последнего Передела от всех этих долгоживущих рас в итоге остались одни лишь огрызки. И только сейчас, восемь столетий спустя, хорошо, если они восполнили хотя бы половинную тогдашнюю численность.

Благородный замолчал и очень серьезно посмотрел на сына.

– А теперь я буду говорить о том, что должен знать только будущий наследник клана Скамма...

Его сын, прилагая невероятные усилия, стер блуждаю-

щую улыбку с лица, нахмурил брови и даже подвинулся чуть ближе к своему отцу.

—После последней войны с миром произошел какой-то выверт. Собравшиеся в Семиградье осколки нелюдей вдруг с ужасом поняли, что для того, чтобы выжить, придется смешивать кровь, плодя полукровок. Но, как оказалось, их опасения были напрасны. Если отец беркат, а жены у него, к примеру, эльфийки: сумеречная и снежная, то все мальчики будут похожи на отца, унаследовав все отличительные черты его расы, ну а девочки возьмут все от своих матерей — каждая от той, кто их выносил в своей утробе.

В первом поколении еще случались осечки и рождались смески, но потом пошло как по накатанной. Мальчики в папу, девочки в маму. Если же по какой-то случайности (а может, большой любви) один из родителей принадлежал к человеческой расе, дети рождались у такой пары исключительно мертвыми. Многие из нелюдей стали утверждать, что к ним снизошел сам Небесный Гончар, позволив не раствориться среди людей.

«А вот и местные Боги или Бог нарисовался», — ухмыльнулся про себя Матвей.

Слушать ему становилось все интереснее и интереснее. Такой ликбез, и при этом не прикладывая к этому никаких усилий. То, что надо, как говорится — халява. А на нее и хлорка — творог. Свою недавнюю мысль, что зря не пошел на юг, он давно отмел как ненужную и даже вредную. Так,

смотри, и до секретов каких дойдет.

—А вот полукровки, появившиеся на свет ранее, стали вырождаться, причем в прямом смысле этого слова. Жили недолго, даже по сравнению с людьми. Дети у них рождались хилые и с врожденными болезнями, чаще всего связанные с умственными способностями. Одаренных же не было вообще. Но, как говорится, в любом правиле всегда должно быть исключение. Этим исключением стал род Скамма — наш род, сын. Вернее этих исключений было несколько. Во-первых, мы полукровки, — огорошил он наследничка.

—Мы полукровки, отец? — удивлению парня не было предела.

—Сейчас даже не четвероны, — покачал он головой. — Но в нашей крови порядочно примешано крови ночных эльфов. Предкам повезло дважды: первый раз, когда смесок всем назло все же выжил. Второй раз — когда обнаружилось, что появившийся ребенок с «искрой». Еще одно исключение — когда первый смесок подросток, обнаружилась его удивительная способность к магии крови, доставшаяся нам по линии ночных эльфов, как и у всех его потомков. В том числе и у тебя. А ведь такой способностью обладали даже не все эльфы ночи.

Именно последняя особенность и позволяла Скамма до сих пор проводить магическую коррекцию своих тел, чтобы быть похожими исключительно на людей, ведь дети до сих пор рождались то с острыми ушами, то со смуглой кожей, то

с желтыми глазами. И именно поэтому больше двух жен Главы Скамма никогда не заводили. Чем меньше об этом знают другие, тем лучше. Ты понял меня?

– Да, отец.

– Но спустя сотни лет природа, видимо, все же решила избавиться от нашего рода. Вырвать так, сказать, последний порченный побег. Ты и сам знаешь, что вас у меня осталось только трое из семи детей. Твой брат с сестрой совсем слабоумные, да и ты, – он махнул рукой, но договаривать не стал.

«Облом, – немного грустно подумал Матвей. – Шуры-муры с эльфийками и другой расовой экзотикой отменяются. Несовместимы мы. Хотя Глас ведь назвал меня не человеком, а каким-то приамом, так что еще не все потеряно, – потер он мысленно руки и вдруг понял, что это действительно так, после чего радостно воскликнул. То же, естественно, мысленно. – Становитесь, девки, в ряд... Что-то меня колбасит по-взрослому. Или воздержание сказывается, или кто-то в моей голове скачет и никак не угнездится?»

В ответ пришло буквально осязаемое возмущение, мол, кто говорил помочь?

«Ладно, молчу, вострим уши дальше».

– Все твои братья и сестры родились хоть и одаренными, но слабыми. И если бы не наша способность к магии крови – не выжил бы никто. Это называют проклятием полукровок. Мадиар, – сдвинул брови отец. – Деньги и только деньги позволят Скамма выжить в этом мире. Я тебе еще раз это

повторяю. Деньги и наши способности. Ты думаешь, почему я обучал тебя в частном порядке Высокому Искусству, как говорят в людских землях, или Вязи, как это принято у нас в Семиградье?

–Почему?

–Да потому, кретин, – скрипнул отец зубами, – что очень мало осталось предрасположенных к этому виду магии разумных. Это наш тайный козырь.

–Как в картах? – просиял тот.

–За что, Небесный Гончар? – уткнувшись взглядом в потолок кареты, отчаянно воскликнул его отец, но быстро успокоился и кивнул. – Да, как в картах. Тайный козырь светят только в самом конце игры или если скрывать его уже не имеет смысла. В любом случае, открывать его нужно лишь тогда, когда надо переломить ход игры в свою пользу. Поэтому я и наставляю тебя открыто пользоваться только теми заклинаниями, что основаны на земле или воде.

–Но они у меня выходят совсем слабые, – понуро сказал парень.

–У тебя все выходят слабые, – поморщился отец. – Маг недоделанный. Пока у тебя есть я, и этого хватит.

«А мальчик-то действительно тупенький. При таком отце можно и не дожить до того момента, как сам станешь главой чего-то там. Папашка амбициозный, не удивлюсь, что вот как раз у него-то и есть план по завоеванию этого мира. А с таким наследником далеко не уедешь, лучше со сторо-

ны пригреть, свои-то все ущербные родятся. Ну а если еще и магией крови владеешь, значит, и клятвами на ее основе. Вот наверняка».

И словно подтверждая мысли парня, тот продолжил свою увлекательную речь.

–Первоочередная задача клана Скамма – стать первыми, фактически единственными, кто будет контролировать самый большой город Семиградья. В принципе, мы уже стали таким кланом. Осталось укрепиться, а там и про расширение своего влияния можно подумать.

Сам подумай, клан Мальпа полностью в наших руках. У меня долговых расписок от них в тайнике хранится столько, что даже продай они все до последнего – все равно останутся должны. На их шее финансовый поводок, конец которого я крепко держу в своих руках, поэтому решения принимаются исключительно те, что выгодны нам. Ну а если начинают брыкаться, стоит лишь потянуть, перекрывая доступ финансам. В сколько растраченных сил и средств мне все это вылилось, и вспоминать не хочется. Одна лишь реализация плана по подсаживанию наследника Мальпа на «пыльцу паучьего цветка» чего стоила: деньги, уговоры нужных личностей, растраченные нервы. В основном, конечно, деньги. Но в конечном итоге все получилось.

С Хаэрсами тоже вышло все отлично. И пусть клан еще существует, но дни его сочтены. Если только, конечно, из младших семей кто-то не вылезет наверх, став мужем этих

полоумных девок: Хэльды и Альтивы. Но чтобы этого не случилось, я, Женер Орсат, должен решить их будущую судьбу. Благо их братик Итэль сгинул сам, тем самым сделав проще дальнейшие шаги. И хорошо, что тело его так и не было найдено, пока нет доказательств гибели – формально клан Хаэрсов существует. Нам даже выгодно, чтобы он существовал – существовал, естественно, формально. Даже если предположить нереальное и дочери покойного Суворса уйдут в другой клан, он все равно не исчезнет. Ну а кто будет управлять Хаэрсами, и так понятно. Не зря же я являлся «лучшим другом» бывшего их Главы?

Интриган мерзко захихикал, и его тут же поддержал дребезжащим смехом сынок.

«После всего, что я услышал, двоечкой ты дядька, уже бы не отделался, – неприятие этого человека стало у Матвея просто непередаваемым. – Семь лет расстрела, как минимум. Одно хорошо, для меня конечно, болтун ты знатный. Даже удивляюсь: вроде так продумал, все шажочки на десять лет вперед просчитаны. А тут так опростоволоситься. Все твои козыри мне теперь известны. А как говорится, знал бы прикуп, жил бы в Сочи? Прикуп знаю, где тут местный Сочи?»

– Отец, – отсмеявшись, спросил Мадиар, – а зачем мы этого дурака подобрали?

– А это, сын. – Взгляд переместился на парня, и тому, чтобы не попасть впросак, пришлось пустить через губу ниточку

прозрачной слюны, вызвав у Женера гримасу отвращения. – Жених для сестренок Суворс.

Что стоило Матвею, чтобы не воплотить свои мысли и не пробить ту самую пресловутую двоечку, он и сам не знал. Наверное, наличие за стенами кареты трех десятков увешанных острым железом наемников. А может быть, шум-гам, говоривший о том, что они подъехали к местному сосредоточию цивилизации, то бишь городу.

–Понимаешь, Мадияр, – довольно сощурившись, сказал Женер Орсат. – Едва я увидел этого дурака в придорожной пыли, в моей голове тут же созрел план. В свое время я заключил с Суворсом Дейфином договор. Не соглашение о намерениях, а именно договор, запечатанный нашей кровью. По нему его дочери обязаны взять мужа из нашего клана. Отмываем этого дурачка, вводим в Клан Скамма, принаряжаем его – и в Храм с девками, Суворс брачную татуировку наносить. Широким жестом потом отпускаем его из клана, а к нам переходят почти все активы Хаэрсов, делая их практически нищими. Нет, кое-что я им оставляю, мне не нужны пустые сиденья в совете кланов Великограда, на них сразу найдутся дерзкие да ранние. Теперь ты понял, что значит быть Скамма?

–Наверное, – пожал тот плечами.

–Тьфу, – было ему ответом, после чего разговор прекратился. Карета въезжала в Великоград.

Города Матвей из окна кареты практически не увидел.

Проехав его сквозь, они остановились в каком-то престижном районе, судя по количеству шикарных особняков, после чего парня быстро затащили внутрь одного из них. Приставили целую толпу слуг, которые начали чистить, мыть и скрести его тело.

Ни одной даже гипотетической возможности сбежать ему так и не дали. Рядом постоянно кто-то был. Портные, что измеряли его, служанки, кормящие с ложечки или убирающие в комнате, – все это ерунда. Куда серьезнее была охрана из пары наемников-персов, что неотлучно находились при нем. Даже в отхожем месте. То ли охраняли, чтобы не убежал сдурю, то ли чтоб не навредил себе, а скорее и то и другое. Короче, чтоб был в потребном состоянии для того самого дела, что задумал Женер Орсат.

Хорошо, что еще еда оказалась довольно приличной, поэтому налегал на нее парень, не стесняясь.

Через несколько дней его обрядили в пышные, практически новые одежды, но явно перешитые с чужого плеча. Появившийся впервые за все время нахождения Матвея в особняке глава клана Скамма критическим взглядом осмотрел то, что получилось у слуг, удовлетворенно кивнул и приказал все тем же наемникам посадить его в ту же карету, в которой он совершил первое свое путешествие в этом мире.

Почти час петляла карета по городским улицам, пока не оказалась у здания, очень похожего на храм. А чем еще может быть грандиозное сооружение, возле которого полно ни-

щих, воров, а внутри бегают служки в длиннополых серых балахонах? А сами священники, ну или кто они здесь, красуются золотой вышивкой на сутанах и держат в руках четки, набранные явно не из речных камушков. И все эти люди, вернее разумные, принадлежали к разным расам, о которых парень разве только слышал краем уха от слуг в особняке.

В свое время у Матвея был армейский товарищ, который обладал исключительным талантом, используя обычный карандаш, рисовать всевозможных сказочных (фэнтезийных) персонажей. Да так классно, что те казались живыми. Оглянувшись вокруг, когда вышел из кареты, и, увидев то разнообразие двуногих созданий, что бегало, просило милостыню, просто околачивалось рядом с храмом, он понял, что фантазии его товарищу явно не хватало. Потому что рисованные картинки друга не шли ни в какое сравнение с реальностью.

Но именно в этот момент он почему-то подумал о другом: «Миры разные, а суть одна, – кивнул он в очередной раз своим мыслям. – Настоящие святые отцы в дальних скитах, в кельях молятся за души грешников, а жирующие на вере служители – у кормушки. Ясно, что такие не все. Вот только почему-то всегда вспоминается фотография еще из того мира. Батюшка необъятных размеров, словно сошедший со страниц пушкинского «Балды» поп, позирует рядом с иномаркой последней модели. И надпись: «Еще немного и на реставрацию церкви соберем». Ну или вроде того что-то».

А потом он увидел их, своих будущих жен. Лиц отчетливо

за темной вуалью было не видно. Но даже того, что угадывалось, хватило, чтобы сделать предположение, что они (лица) у них сейчас таковы, что краше в гроб кладут. На него ноль внимания, прошли внутрь храма, словно проследовали на эшафот и остановились у дальней стены возле алтаря (последние сомнения в том, что это храм, исчезли), опустив головы и шмыгая носами.

«Ну что ж, Матюха, – хмыкнул он про себя. – В том мире ты от всех невест отбился, а эта свадьба, наверное, наказание за порушенные надежды твоих подружек с Земли. Что ж это не самое худшее, что могло с тобой приключиться. Уж свадьба всяко лучше плахи или пеньковой веревки на шее, – но когда услышал бубнеж священника, говоривший о том, что церемония началась, в сердцах сплюнул. – Устроил рекогносцировку, диверсант хренов».

В слова он практически не вслушивался, рисуя в своем воображении картины, как будет изгаляться над Женером, когда придет время. А оно придет, в этом он был уверен полностью. Плохо оструганный кол в его фантазиях был еще не самым страшным вариантом кончины этого типа.

Возвышенные речи служителя церкви внезапно прекратились, а еще через мгновение он получил легкий удар по затылку.

«Надо полагать, что я сказал свое веское «да». А вот и магия, мать ее ети. Только слышал? Пожалуйста, любуйся» – стараясь сохранить самообладание и продолжая глупо улы-

баться, подумал он, когда увидел, как на его теле появляется еще одна татуировка, забивая замысловатой вязью все правое предплечье, от запястья и до локтя.

«Дружище, – обратился он внутрь себя, скрипнув зубами. – У тебя там есть, на чем записывать? Есть? Тогда фиксируй и при случае напомни мне. Тому уроду, что меня по затылку ударил – оторвать руку к чертям собачьим. А тому, кто надо мной так пошутил... Записывал уже? Молодчага, потом разберем все по пунктам и выберем самый лучший вариант. Мечь – это такое блюдо... Ну, ты понял меня».

* * *

Дом его жен оказался не в пример уютнее того особняка, в котором он провел время до этого. Не было бросающейся в глаза позолоты, вычурной лепнины и другой мишур, что призвана пускать пыль в глаза посетителям и гостям. Было просто уютно, как бывает уютно в деревне у бабушки. В ее доме, где высокие кровати застелены вышитыми вручную покрывалами, а поверх их лежат стопки разнокалиберных подушек. И в котором был запах, запах свежееиспеченного хлеба и пирогов.

Слуги не бегали, словно бесправные создания, опустив глаза в пол и не смея их поднимать без особого на то позволения. Наоборот, казалось, он попал в очень большую семью, живущую под одной крышей. Но хоть это и была семья, но

явно не его. Матвею выделили отдельную комнату, личную служанку и забыли про него почти на неделю.

Впрочем, снова оказавшись практически в одиночестве, у него было время подумать над своими дальнейшими шагами. Да и постоянно держать маску идиота на лице было трудновато, если честно.

То, что он стал пешкой, пусть и случайно подвернувшейся под руку, в хорошо продуманной игре главы клана Скамма, было и так понятно. Другой вопрос, как все это отразится на нем самом? В данный момент этого он даже представить не мог. Вариантов здесь могло быть тьма-тьмущая. От яда в бокал от милых женушек до вызова на дуэль от какого-нибудь воздыхателя этих же персон. Ну, если они здесь существуют, конечно. Может, просто придет какой-нибудь металлический шкаф, ну, рыцарь какой-нибудь, и тукнет булавой по темечку. А там Соратник пригрелся – жалко его, вроде как сроднились уже.

И это то, что сразу в голову приходит. Никаких других вариантов, типа: стал императором, ну или как минимум герцогом, купался в злате-серебре, стал владычицей морской, ну то есть владыкой, Матвей не рассматривал. Лучше сразу готовиться к худшему, чтобы потом радоваться, что прогнозы не оправдались.

На второй день пребывания в особняке своей новой семьи парень вдруг понял, что в его голове распечатался еще один кусочек знаний о его новом мире. Он понял, одна из

его жен, та, которая с рожками и красноватой кожей, на самом деле никакая не демоница, как подумал ранее, а та самая пресловутая берката, и хвоста у них не бывает. Вторая жена принадлежит к сумеречным эльфам – самостоятельной расе, получившейся давным-давно от смешения крови снежных и ночных сородичей.

А еще он стал почти полностью понимать речь. И вместе с этим пониманием пришли проблемы. Вернее они и без этого сразу нарисовались, но с пониманием как бы усугубились.

Вид эта проблема имела самый обворожительный и была его личной служанкой, прикрепленной за ним его женошками. Лиловая кожа, острые ушки, чувствительные губки, золотые глаза с поволокой. Сиреневые волосы. Брр-р. И все время бормочет, какой он лапочка, и так и стремится тщательнее вымыть его хозяйство. Приходилось дурашливо уворачиваться, сжимать колени, брызгаться водой, кидаться мочалкой, лишь бы не допустить этой озабоченной до своего комиссарского тела. Благо ему, как дураку, это все сходило с рук. А иначе было нельзя – вся его маскировка могла полететь в тартарары в любой момент.

А на пятый или шестой день за ним пришла одна из его жен.

Прогулка по коридорам особняка оказалась недолгой: вышли из комнаты парня, прошли десяток метров и зашли в соседнюю. Вот и весь маршрут. Перед широкой кроватью поставили отличное кресло, можно даже сказать анатомиче-

ское. В него усадили Матвея, а сами девушки устроились на кровати, прижавшись плечом к плечу и устремив на него две пары очаровательных глаз: цвета чистого золота и темного шоколада. Молодому человеку под такими пристальными взглядами ничего не оставалось, как состроить самую глупую, на которую он только был способен, улыбку. Сложить, как примерному первоклашке, на коленях свои ладони. И ждать.

–Хэльда, – произнесла меж тем эльфийка. – Зачем ты привела его сюда?

–Как это зачем, Альтива? – пожалала та плечами. – Он наш муж.

–Муж, – прошептала та и закрыла глаза.

Через пару мгновений, просочившись сквозь частокол длинных, пушистых ресниц, на щеки выкатилось по крупной слезе. Пробежав по ним, они на миг задержались на подбородке, а потом сорвались вниз, теряясь в складках одежды.

«Ну что ты, малышка, – продолжая играть свою роль, подумал Матвей. – Ты не беспокойся, я исчезну из вашей жизни, как только смогу. Никакого неравного брака. Вы ведь аристо, куда там мне сиволапому в ваш калашный ряд. Так что не беспокойся, помилуетесь ещё со своим Вронским».

–Помнишь тот день, когда пришел Женер Орсат? – подняв мокрые от слез глаза, спросила эльфийка у своей сестры.

–Забудешь тут, – передернуло ее. – Да и полдекады только прошло, даже если захочешь – помнить будешь.

– Я ведь до самого конца верила, что все это какая-то глупая шутка. «Вот мой племянник, и для сохранения клана Хаэрс вы обязаны выйти за него замуж», – очень достоверно изобразила Скамма Альтива. – В тот миг у меня пропали последние сомнения в том, что за всеми несчастиями, постигшими нашу семью, стоит именно этот человек. Как ему мог так доверять отец?

– Да ладно, – отмахнулась берката, – чего сейчас воздух-то сотрясать? Даже если бы брат не пропал много лет назад на Костяных Порогах, он тоже не смог бы ничего изменить. Покажи Женер обязательство на первом же Совете кланов Семиградья, о Великограде и говорить нечего, он ему практически принадлежит, и Хаэрсы прекратили бы свое существование как клан. Ни один аристо никогда бы не посмотрел в сторону тех, кто хоть раз нарушил свои обязательства, клятвы, договоры и соглашения.

– Ты права, – кивнула эльфийка. – Но меня просто тряссти начинает, когда я вспоминаю его довольную рожу. А этот жест, – скривилась она, – «можете забрать его в свой клан». Будто никто не знает, что Скамма – это дурак на дураке и дураком погоняет. И вообще, он человек и совместных детей с ним мы иметь не сможем, даже если бы мир перевернулся и мы захотели этого. Словно специально старался побольнее сделать.

«А вот это обидно, Златоглазка, – совсем по-детски шмыгнул носом про себя Матвей. – Нет, я, конечно, пони-

маю, что не эталон красоты, если он существует здесь, но на Земле, как пел Валера Сюткин: «Девушки во мне что-то находили, не знаю что, но девушкам видней». Хотя, что тут обижаться, – тут же усмехнулся он. – Дурак я для них. И этим все сказано».

–Слушай, Аль, – вырвал эльфийку из размышлений голос сестры. – А он симпатичный.

–Кто? – недоуменно раскрыла та свои огромные глазища, сверкающие позолотой.

–Да муж наш, – кивнула она в сторону парня, все так же лыбящегося непонятно чему. – И взгляд стал более умным, что ли? – добавила берката, но тот вдруг пустил слюни, и она, поморщившись от брезгливости, поспешила исправиться. – Нет, мне это показалось.

Альтива посмотрела на молодого человека и тоже заметила, что в его лице что-то неуловимо изменилось. Что – пока она сказать не могла, но вот то, что их муж был не похож на того себя, что стоял под сводами храма шесть дней назад – это было точно.

–А ты видела у него на спине шрамы? – спросила она вдруг сестру.

–Какие? – удивилась та. – И откуда ты знаешь о каких-то там шрамах на его теле? Ты что ходила к нему миловаться за эти дни?

–Извращенка, – фыркнула эльфийка. – Служанка сказала, когда переодевала его после храма, да и потом, когда купала.

И еще у него на спине вытатуирован большой Сумеречный кот. По ее словам, хищник словно живой. А уж как она его тело расписывала, надо было видеть. У нее слюни текли, как сейчас у нашего муженька.

–Тело кота?

–Какого кота? Мужа нашего.

«Да, тату я себе набил классную, во всю спину, свой позывной во всей красе, так сказать. А потом мне морду лица набил отец в тренировочном спарринге: дурь выбивал, как он потом сказал. Ну, не нравились мне эти шрамы, никогда не нравились. Как я их получил, внятного ответа так и не добился. А постоянное отцовское: «шрамы украшают мужчину» надоели хуже горькой редьки. Вот и решил отвлечь от них внимание: шрамы-ветви, а на них лежит сытый, но очень опасный каракал. Далеко от природной правдоподобности, зато красиво».

–Слушай, Аль, а он ведь действительно прекрасно сложен, – по-новому разглядывая парня, сказала Хэльда. – А этой озабоченной надо вставить по первое число, муж наш хоть и недалекий, но это наш муж. И он симпатичный, даже не спорь со мной.

–И не собиралась, – как то устало ответила сестра. – Делать-то мы с ним что будем?

–Ты о нем, как бревне каком говоришь сестренка, – нахмурилась берката. – Все же живой разумный, пусть и ущербный. Да к тому же он теперь Хаэрс. А кстати, – под-

скочила она на кровати, – как его вообще зовут?

– Да уж, – нервно рассмеялась Альтива. – Хороши жены, не знают, как мужа зовут.

«Разрешите представиться грессы (да я уже знаю, как здесь называют высших аристократов) Матвей Владимирович Хантов, офицер Краснознаменного Тихоокеанского Флота, орденоседец, остальная информация проходит под грифом секретно, совершенно секретно и особой важности, а допуска у вас нет. Так что звиняйте».

– Да ладно, – отмахнулась сестра. – Когда нам узнавать было? Обе ревели, как две дуры, не слушая ни жреца, ни еще кого-либо. И вообще, я от него ни одного слова не слышала. Может, он вообще немой. У кого узнавать, как его зовут, у этой скотины Женера?

– Забыли о Женере, – ядовитой змеей прошипела Аль. – Следующий раз, я надеюсь, мы встретимся на его тризне, – но подумав немного, отрицательно покачала головой. – Никогда не встретимся, а о смерти узнаем из «Великоградского болтуна». Для меня этот разумный уже мертв, осталось услышать или прочитать некролог. И только ради этого стоит жить сестра, – веско закончила она, словно припечатала.

– Да я разве спорю, – кивнула Хэль и слезла с кровати, чтобы подойти к парню, который так и оставался безучастным ко всему, что вокруг него происходило.

Зайдя за спину Матвея, она посмотрела на сестру поверх его головы.

–Нет, Аль, я просто уверена, что наш муж родился нормальным, – без толики сомнений произнесла она. – Все слабоумные, что я видела за свою жизнь, были с рыхлыми телами. А если и отличались отменным телосложением, что бывало крайне редко, то только его размерами. Помнишь тех грузчиков, что мы видели в Вольнограде, когда с отцом на юг ездили?

–Помню, конечно, – кивнула эльфийка. – Один меня чуть с причала не сшиб здоровенным тюком. Ка-а-ак повернется...

–Точно, – хитро улыбнулась Хэльда. – А помнишь, что дальше произошло?

Альтива нахмурилась, но все же кивнула.

–Ты меня дернула за юбку, чтобы удержать, и в следующий миг я осталась на причале, но стояла среди толпы в одних рейтузах.

Небольшая пауза, и сестры закатились чистым, как журчание лесного ручейка, смехом. Жизнь продолжалась, несмотря на все, что с ними случилось. И как они проживут ее, зависит от них самих. Уж ходить с постной миной на лице точно не стоит. За ними хоть и малочисленный, но клан. Что они скажут? Как им-то жить, если они увидят, что даже представители правящей семьи руки опустили? Нет, так быть не должно.

«Черт, какие же они хорошенькие. Особенно когда смеются. Еще чуть-чуть и придется сдаваться. Штирлиц как ни-

когда был близок к провалу. Бред несую? Да. Так легче спастись свой разум от этих чаровниц», – изгалялся над собой Матвей.

–Так вот, – отсмеявшись, продолжила Хэльда, положив на плечи парня свои ладошки. – У нашего мужа тело именно тренированное. Посмотри на его широкую грудь и потрогай эти плечи, – попыталась продавить она дельтовидные мышцы. – Они словно гранит. Голову даю на отсечение, лук он точно держал в руках. Что-то я сомневаюсь, что идиотам дают в руки лук. Только вот мозолей на ладонях от меча не вижу.

«Какой быстрый и, самое главное, правильный анализ. Bravo, Хэль, но ты немного ошиблась. Лук – это второстепенное, а главное – это спирометрия семь с лишним единиц и долгие погружения и заплывы на время и дальность».

–Хорошо, – согласилась с ней эльфийка. – Даже если это и так. Что это меняет?

–А то, что с нашим мужем возможно только временное помешательство, допустим в результате травмы или еще чего, и когда-нибудь он снова станет нормальным.

–Он человек, Хэль, – грустно улыбнулась Альтива. – И даже если предположить, что он действительно станет нормальным, мы не сможем от него родить нормальных детей. Мы вообще никаких детей от него родить не сможем, разве только мертвых, и род Хаэрсов все равно прервется.

–Вот только не надо опять наводить тоску, – сморщилась

берката. – У нас еще брат есть. И то, что он мертв, доподлинно не известно. Нужно верить, сестричка, просто верить и молиться Небесному Гончару. Если и веру потеряем – пиши пропало. А там что-нибудь да изменится. Ты поняла? – серьезно закончила она.

– Да поняла, поняла, – крутанув сальто, эльфийка соскочила с постели. – Вот демоны! – причмокнула она, подойдя к мужу и сестре вплотную. – Он действительно красавчик. Да и волосы у него, оказывается, есть, только очень короткие. И, по-моему, седые.

– Отрастут – увидим, – отмахнулась Хэльда, встав рядом с Аль перед парнем.

Матвей все так же таранился на девушек, а вот удерживать маску умственно отсталого становилось все труднее и труднее.

«Да, жены мои красавицы, – теперь уже он причмокнул, как до этого Альтива. Правда про себя. – Даже та, с рожками. Они ей даже идут. Кстати, дружище, ты следи за моей мимикой, если можешь, конечно. Хотя девки – кровь с молоком, можно и по-настоящему слюни распустить. И дураком притворяться не надо. Как говорится, при виде красивых женщин все мужики немного становятся дураками. Но все же».

– Слушай, – отвлек его от собственных мыслей голос беркаты, которая обращалась к сестре. – Давай лучше попробуем узнать его имя. Может, он действительно просто потерял в свое время память, а с такими, я слышала, нужно

очень много говорить. Малыш, – присела она на корточки и заглянула в серые глаза. – Скажи, как тебя зовут? Я Хэльда, – ткнула себя в грудь третьего размера берката.

«Что же делать, что же делать? – заметались мысли Матвея, словно мышшь, которую застал в темном чулане внезапно включенный свет. – Спалюсь ведь. А если так?»

Малыш глупо улыбнулся, втянул в себя тягучую слюну, засунул в правую ноздрю указательный палец, а потом еще и громко испортил воздух.

«Все, пути отрезаны, мосты разрушены, рельсы взорваны, – как-то невесело подумал парень. – После этого я, даже если захочу, не останусь. Всю жизнь буду со стыда сгорать».

–Н-да, – встала, поморщившись Хэльда. – Первая попытка оказалась неудачной.

–Слышишь, сестренка, может, мне, конечно, это показалось, но у меня создалось впечатление, что он сделал это специально, – вдруг сказала Альтива.

Она стояла со скрещенными на груди руками, склонив набок голову, и внимательно следила за парнем.

«Красавицы, да еще и умницы, – Матвей еще глубже засунул в нос палец. – Эх, если бы не обстоятельства. О таких женах можно только мечтать».

–Да брось, Аль, – отмахнулась сестра. – Зачем ему это?

–Вот я и думаю, – склонив голову в другую сторону, еще пристальнее посмотрела она в серо-стальные глаза парня. – Зачем?

«Палево не заканчивается, а еще дальше засунув палец, наверняка пощекочу пятки Соратнику. Если они у него есть, конечно», – в очередной раз подумал тот.

Ситуацию спасла открывшаяся дверь, в которую зашел эльф с белоснежными волосами.

– Грессы, – с достоинством склонил он голову. – Тревожный маяк из Холмграда. На Трехзубом зафиксированы эманации Прорыва. Я лично беседовал с Барестом Томкару, по его словам, тварей много. Тамошние Главы требуют по три десятка воинов при двух магах. От Дагаронов на перевал уходят Вагард и Банията. Это не считая тех, кто несет там службу согласно очередности.

Голос эльфа был малоэмоционален и докладывал он так, словно это были выдержки из какого-то обычного отчета.

– Гранд Боя и потенциальный гранд Вязи? – удивилась Хэльда.

– Похоже, это действительно не рядовой прорыв, – поддержала ее Альтива и обратилась к эльфу. – Нанзиэт, готовь наших воинов и магов. Мы тоже идем, – затем переглянулась с сестрой и добавила: – Вместе с нашим мужем.

Если эльф и был удивлен, то виду не подал, а лишь кивнул.

– Слушаюсь, грессы, – и вышел из комнаты.

«Как там говорил небезызвестный Попандопуло? – внимательно вслушиваясь в разговор девушек и мужчины, подумал Матвей. – Чует мое сердце, что мы накануне грандиозного шухера! По-видимому, так и есть. Ну что ж, под

этот шумок и смажем лыжи. Разведка проведена, первоначальные данные получены. Пора на раздачу способностей. То есть к Источнику».

Отступление первое

«Ширхх, ширхх, ширхх».

Сильная рука статного краснокожего молодого мужчины, примостившегося в удобном анатомическом кресле, выверенными движениями водила оселком по одной из рубящих кромок огромной двулезвийной секиры. Периодически он прерывался, подносил лезвие поближе к глазам и пристально его рассматривал, пытаясь найти изъян. Затем пробовал заточку грубым ногтем, снимая с него тонкую стружку. В задумчивости чесал небольшие рожки на лбу, теребил клиновидную бородку, заплетенную в косичку и скрепленную золотым кольцом на конце, хмурил густые брови, а потом, покачав головой, возвращался к прерванному занятию.

«Ширхх, ширхх, ширхх».

Кроме него в комнате, с огромным, во всю стену окном, открытым настежь в это теплое утро, находились еще две личности. Две девушки, если быть точнее, а может и женщины, по одному внешнему виду определить их возраст было просто невозможно.

Одна из них была полной копией увлеченного правкой лезвия своего оружия мужчины. Те же глаза, тот же цвет кожи и волос, даже общие черты лица схожи, как две капли

воды. Ну, разве что рожки на лбу были меньшего размера да бородки не было. Зато ресницы были пушистее, губы полнее и чувствительнее, а само лицо – изящнее. Впрочем, изящным было не только лицо. С грацией хищной, но сытой кошки, она развалилась на небольшом диванчике, словно демонстрируя свои выпуклости в нужных местах да плавные изгибы идеального тела. Благо это тело было обряжено в облегчающий охотничий костюм темно-коричневого цвета, сшитого из парвасского бархата.

Про вторую представительницу прекрасного пола можно было сказать все то же самое, что и про первую. Отличия были в необычайно светлой коже, белых, словно снежные шапки Тохос-Гребня, волосах, заостренных ушах да огромных, в половину лица голубых глазах, какие часто бывают у снежных эльфов. Кроме того, у нее отсутствовали рожки. И если первая девица лениво посматривала на игру солнечных зайчиков, что отбрасывала гладь пруда, находившегося за окном, то вторая, беззвучно шевеля губами, увлеченно плела перед собой магическую вязь, сделав ее для простоты работы видимой.

Одного брошенного взгляда на этих разумных было достаточно, чтобы быть уверенным в их родстве. Ну а про то, что женская часть этой небольшой компании была еще и довольно симпатичной, и упоминать не стоит.

– Бят, – покосившись в сторону беловолосой прелестницы, проговорила красавица, что нежилась на диване. – Я, конеч-

но, понимаю, что ты Дока, почти Гранд Вязи, но все же заниматься практикой нужно на полигоне или в лаборатории. Ваг, скажи ей, а? – с надеждой на поддержку посмотрела она на мужчину.

Однако тот лишь усмехнулся, придирчиво оглядел заточку секиры, удовлетворенно кивнул, зачехлил боевую часть и аккуратно отложил оружие в сторону. Потом дотянулся до невысокого столика и взял с него большую чашку с остывшим цикром.

– Совсем холодный, – покачал он головой. – Крист, подогрей?

Теперь уже усмехнулась девушка, но все же встала. Подошла к мужчине, на мгновение охватила ладошками чашку, шепнула пару слов, и вот уже от темной поверхности напитка в нее поднялись струйки пара.

– Я ему об опасности плетения Вязи вне полигона, – она снова пошла к облюбованному ей дивану, но лечь не стала, а села, вытянув перед собой ноги и раскинув руки по спинке, – а он мне: «Крист, подогрей», – подражая голосу, передразнила она его.

– Мы хоть делом занимаемся, – наконец, ответила на ее нападки Банията. – А ты дурью, Криста, маешься с самого утра. И вообще, я плету Вязь без заполнения энергией. Могла бы и знать, Мастер.

– К демонам, – отмахнулась Криста. – Я сбежала к братику отдохнуть, а не делами заниматься.

–Примерная жена, мать четырех прекрасных ребят-шек, – осуждающе покачала головой эльфийка. – А ведет себя, как девчонка.

–Поэтому и сбежала, что мать четырех разбойников, – смешно скривила та свое личико. – Пусть Имелда помучается, у нее лучше получается воспитывать этих оболтусов. Как зыркнет своими золотыми глазницами, те по струночке ходить начинают. А я слишком мягкая и нежная, – томно, с придыханием закончила она, после чего в комнате раздался разноголосый смех.

–Бят, – вдруг испуганно спросила Криста. – На комнате Вага «Полог» висит?

–Да не волнуйся, – ухмыльнулась та. – Никто тебя не услышит. Мягкая и нежная, – вздернув брови и тряхнув бело-снежной гривой волос, сказала она. – Скажешь тоже. Кто своему первому жениху чуть причиндалы не отрезал?

–Ха, – улыбнулась девушка, вспоминая былое, – весело тогда было. Когда мой стилет прикоснулся к паху этого недо-разумения, у него лицо блее твоего стало, сестренка, – и, зло сверкнув глазами, добавила: – И так ему и надо. Тоже мне демон-искуситель, тычет свои губешки куда не следует.

–Он все же был одним из сыновей Главы клана Скам-ма, – пытаюсь сдержать улыбку, покачала головой снежная эльфийка. – А это Великоградский клан.

–Пфр, ну и что, – фыркнула ее сестра и начала загибать пальцы. – Во-первых, Великоград – столица неофициальная,

наш Холмград ничем не хуже, а то и лучше. Тут можно пить цикр вприкуску с горным воздухом. Во-вторых, клан Скамма не выделяется среди других ни богатством, ни родовитостью, ни числом воинов и магов. Ни еще чем-либо. Все держится на наемниках, а сами они торгаши. В-третьих... – девушка задумалась, а потом, вскочив с кресла, эмоционально махнула рукой и возмущенно воскликнула: – Да разве их стоит сравнивать с кланом Дагарон?

Вагард и Банията недоуменно переглянулись, пытаясь понять, что так возбудило их старшую сестру, а она меж тем продолжила:

–Самый молодой Гранд Боя где? – пальчик с острым акkuratным ноготком вперился в Вага. – У Дагарон. Этих старых пердунов – Грандов-наставников, наверное, зависть душила, когда они бумаги и золотую фибулу братишке вручали. Дальше. Потенциальный Гранд Вязи где? У клана Дагарон, – теперь пальчик сверлил дырку в Банияте.

Криста победно осмотрела своих родственников и опустилась на диван.

–И чтобы я покинула такую семью? И вообще, у Женера Орсата все дети дебилы. Плюс ко всему прочему – он человек.

–Поэтому вы с Имелдой и провернули свою аферу, женив на себе Лоджера, – скорее утверждая, чем спрашивая, расплылся в улыбке Вагард.

–А кому от этого плохо? – пожала Криста плечами. – Се-

мья мужа пусть и младшая, но нашего клана. Ко всему прочему, очень древняя. Четыре дитя и все с «искрой», ни одного пустышки. Ой, – девушка испуганно закрыла рот ладошкой, посмотрев сначала на сестру, а потом умоляющим взглядом на брата. – Прости Ваг, я полная дура.

–Брось, Криста, – отмахнулся тот, встал и подошёл к дивану, чтобы нежно прижать сестру к своей широкой груди. – Последний раз я комплексовал по этому поводу ровно десять лет назад, когда оканчивал школу Егерей.

–Да дура она, дура, – с другой стороны к Кристе под села Банията и взлохматила ей челку. – Седьмой десяток идет, а ведешь себя словно нецелованная малолетка.

–Кстати, – поняв, что прощена, старшая в данный момент в этой комнате сестра резко повернулась к своей младшей родственнице, – по поводу возраста. Кому сегодня пятьдесят стукнуло? Не подскажешь?

Бята попыталась ускользнуть на свое место, но у нее ничего не получилось.

–Сидеть! – схватила ее за руку Криста. – Вот кто не целованный из нас двоих, так это ты. Когда? Я спрашиваю, когда мне посчастливится потискать племянников?

–Отстань, – все же вырвалась из ее рук девушка и, нахмурившись, отошла к окну.

–Криста, Криста, – укоризненно покачал головой Вагард. – Ты сегодня действительно превзошла саму себя по количеству сказанных глупостей.

—А что я? — попыталась возмутиться та, но вдруг, что-то поняв, распахнула глаза. — Да ла-а-а-дно! Сколько лет-то прошло с тех пор?

—Десять, — послышалось от окна.

* * *

—Отец, матушки, — за всю троицу поприветствовал родителей Вагард, едва они зашли в обеденный зал.

—А вот и именинница, — добродушно улыбнулся Глава семьи. — Будем считать, что все в сборе.

—Ну, как я могла не догадаться! — воскликнула одна из присутствующих в зале женщин со светло-лиловой кожей, зелеными, коротко подстриженными по последней моде волосами, острыми ушами и большими глазами, цвета чистейшего, без примесей, золота. — Они прятались у Вагарда. А ну, стоять! — одернула она девочку-беркату возрастом лет десяти, что попыталась сбежать, пока ее мама отвлеклась.

—Ну, мама Имелда, — заканючила девчушка, вызвав у многочисленной родни, в коем-то веке собравшейся за одним столом, чистые светлые улыбки. — Я, правда не специально. Просто так получилось.

—Что-то мне не нравится это «так получилось», — закатив глаза и покачав головой, направилась к своей сестре Криста.

—Покрутись, — посмотрела на девочку Имелда. — Покажи маме Кристе, какое красивое у тебя платьице.

Пигалица опустила глаза в пол, но послушаться мать не смогла. Отошла от стола, уперла ладошки в бока и закружилась. Юбки платья, спадавшие до пола и до этого момента частично скрывавшие свои недостатки, взметнулись и стали похожи на самые натуральные лохмотья. В принципе такими они и являлись и поэтому своим трепыханием вызвали у родственников собравшихся в большом обеденном зале особняка правящей семьи клана Дагарон новую волну веселья.

– Не поняла, – ошалело смотря на «танец в рубище», проговорила Криста. – Это что?

– Ну как же, – деланно удивилась Имелда. – Все же хотят быть похожи на дядю Вагарда. Гранд Боя – это не цукаты таскать у добрых поваров. А это милая моя, – кивок в сторону дочери, – попытка воспроизвести «стальной веер». При чем в движении и двумя клинками. Как только рожки себе не пообрубала вместе с ушами.

– Теперь еще я и виноватым останусь, – пробурчал Вагард, усаживаясь на предназначенное ему место. Рядом с ним пригостилась улыбающаяся Банията.

– Марш переодеваться, – стукнула кулаком по столу Криста. – Потом мы с тобой еще поговорим.

– Дядя Ваг? – жалобно посмотрел ребёнок на невольную причину своего будущего наказания.

– Ничего не бойся, малышка, – подмигнул он ей и та, сияя ярче «золотого дракона», умчалась из зала.

Все семейство добрыми улыбками проводило счастливое создание, пока оно не скрылось из виду, а потом, как один, повернулись в сторону Главы.

Увидев, что необходимость специально привлекать к себе внимание отпала вместе с исчезновением непоседливой внучки, Барест Томкару удовлетворенно кивнул и вышел из-за стола.

– Банията, дочь, – кашлянув и прочистив горло, начал он. – Все мы знаем, что ты не любишь справлять свой день рождения. Поэтому и собрались здесь по-домашнему, в нашем узком семейном кругу, а не стали устраивать званый вечер. Хотя твои мамы, должен заметить, были категорически против этого.

– Конечно, – кивнула одна из жен Главы семьи, и ее кивками поддержали две подруги-сестры.

– Мама Риль, не начинай а? – скривилась Банията. Видимо, назревающий разговор о необходимости таких торжеств был для нее не нов и успел набить оскомину.

– Нет, начну, – пристально посмотрела на нее снежная эльфийка, которую Бята называла мамой Риль. – Ты можешь хотеть чего угодно, дочь, но как гресса Дагарон должна понимать разницу между «хотеть» и «надо». Ты думаешь, я в восторге от всех этих балов, раутов и званых вечеров? Не угадала, милая. Я с удовольствием бы провела это время в кругу семьи или в своей лаборатории.

– Так почему не проводишь? – Банията недоуменно по-

смотрев сначала на отца, что, облокотившись на спинку своего стула, внимательно слушал эту небольшую словесную перепалку, а потом и на мать, что уже привстала со своего кресла и хмуро смотрела на дочь. – Ты разве не вольна в своих желаниях? Ты же гресса, кто может тебе что-то запретить?

– Где мы просчитались в твоём воспитании? – не найдя больше слов, старшая женщина тяжело вздохнула, покачала головой и вновь опустилась на свое место.

– Успокойся, Аззериль, – положила ей на предплечье свою руку сидящая рядом сумеречная эльфийка, копия Имелды, только постарше. – Мы правильно воспитывали Бяту. Просто последние десять лет они с братцем очень редко бывают под крышей родного дома. То Сумеречные Земли, то Трехзубый перевал, то вообще эту парочку незнамо зачем занесет к хуманам на север.

– Только там я мог найти мою «малышку», – закинув в рот горсть сладкого винограда и откинувшись на спинку стула, сказал парень. – И нашел, в конце концов.

– У Вага появилась девушка? – изумился один из братьев. – Почему я не знаю?

– Ха-ха-ха, Тониат, – посмотрел на него Вагард. – Очень смешно.

– Да ладно, – отмахнулся тот. – Сам видишь, как искрит, гляди вспыхнет, вот и пытаюсь разрядить обстановку.

– Ну-ка, тихо, – вроде и серьезно, но с веселыми искрами в глазах стукнул по спинке стула Глава семьи и, посмотрев

на жен, добавил: – Дорогие мои, может, перенесем разговор на потом?

–Нет, муж, – встала третья женщина, что еще не успела отметить своими нравочениями по отношению к Банияте. – Я думаю, нужно этот разговор закончить и больше не возвращаться к нему никогда.

–Хорошо, Марьятта, – покладисто ответил Томкару, сел на свой стул и по примеру младшего сына потянулся за сладкими ягодами.

Женщина меж тем продолжила:

–Понимаешь, девочка, – с нежностью посмотрела она на виновницу этого разговора. – И мама Аззериль, и мама Альба всего лишь хотели донести до тебя следующее. Понимаешь, когда они говорили о том, что ты гресса, они понимали под этим то, что ты и поступать должна, как гресса. Конечно, никто не может тебе что-то запретить, но послушай, о чем я тебе сейчас скажу. Все послушайте, – обвела она взглядом младшее поколение семьи, задержав его на внуках, кто уже получил право сидеть вместе со взрослыми за одним столом. – Мама Риль права, нам всегда есть чем себя занять вместо всех этих торжественных посиделок. Но подумайте вот над чем, а потом дайте нам ответ. Правящая семья клана Дагарон один раз не устроила какого-нибудь раута, другой раз отказалась приглашать гостей на какое-либо торжество. В третий раз проигнорировала приглашение одной из влиятельных семей. Что подумают в других кланах, когда слу-

чится следующий раз?

– Тут и гадать нечего, – пробасил Барест – старший из детей. – Начнутся сначала шепотки, что Дагарон обнищали или что у них не лады в семье. Домыслов может быть много, главное, что начнется потом. А потом самые нетерпеливые будут пытаться проверить, крепко ли мы стоим на ногах и не пора ли поменять один из старых кланов на более молодой и дерзкий.

– Демонова политика, – прошипела Банията себе под нос, а потом подняла голову. – Вот поэтому я и не появляюсь в Холмграде, мамы. Вы думаете, я не понимаю всего этого? Еще как понимаю, но мне намного проще встретиться за Пеленой с Сумеречным Прядильщиком, чем выслушивать льстиво-лживые комплименты и отбиваться от очередного потенциального жениха.

– Мы знаем, дочка, – кивнула Марьятта. – Поэтому я и сказала, что этот разговор нужно довести до конца и больше к нему не возвращаться. Мы родили неглупых детей, и Барест это сейчас подтвердил. Единственное о чем мы попросим вас: совершая тот или иной поступок, всегда думайте, каковы будут его последствия для семьи и Клана.

Женщина села на свое место, посмотрела на своих сестер-подруг, и те одновременно кивнули, подтверждая все сказанное ею. Добавить им было больше нечего.

– Ну, раз с этим разобрались, – хлопнул в ладоши Томкару, – давайте наконец отдадим должное кушаньям, что при-

готовили повара для нашего праздничного обеда. Я скоро слюной изойду.

Звяканье приборов, шуточные перебранки, смакование великолепного красного вина вернуло семейное торжество в русло обычных посиделок. Еще через какое-то время в зал занесло крикливую стайку ребятни, окончательно отвлекая всех и каждого от серьезных разговоров, а кого и от невеселых дум.

–Кстати, – через пару часов привлек к себе внимание родственников отец семейства. К этому времени стол уже был освобожден от многочисленных блюд и их место заняла ароматная выпечка и чашки с не менее ароматным цикром. – Хочу вам кое-что прочесть. Такиаль, – нашел он взглядом мажордома семьи, стоявшего безмолвной статуей возле входных дверей. – Где «Великоградский болтун»?

–Вы имеете в виду «Вестник Семиградья», господин? – чуть склонив голову, уточнил тот.

–Не придирайся, – поморщился Томкару. – Ты же знаешь, что половина написанного в этом так называемом «вестнике» выдумка от первого до последнего слова, если не сказать, что откровенная ложь, отчего и получил свое второе название. И когда ты наконец снимешь этот демонов ошейник?

–Мне нравится, – пожал плечами мажордом, трогая на шею тщательно выделанную полоску кожи – знак раба.

Такиаль меж тем подошел к Главе и положил перед ним несколько согнутых пополам листов размером с поднос, на

котором слуги разносили цирк. Каждая из сторон сероватой бумаги была исписана ровными столбиками текста.

– Вот эта газета.

– Та-а-ак, – зашуршал страницами мужчина. – Где же это?

– На последнем развороте, господин, – подсказал ему вставший за спинкой стула мажордом.

– Точно, – кивнул тот, перевернул еще одну страницу, пробежал глазами по тексту и, видимо, найдя нужное место, удовлетворенно кивнул. – Как стало известно из достоверных источников, – начал читать он, – вчера, в последний день первой декады второго весеннего месяца, в малом храме Небесного Гончара у Полуденных Ворот Великограда состоялось таинство рождения новой семьи. Все тот же источник сообщает, что брачной татуировкой на правом запястье обзавелись сестры Хэльда и Альтива Суворс, грессы Хаэрс. Кто стал главой новой семьи, не разглашается. Доподлинно известно лишь то, что это человек и этот человек аристо. Таинство было зафиксировано в храмовых книгах при стечении ограниченного круга приглашенных. Принадлежность к какому-либо клану Семиградья молодого Главы семьи не разглашается». Ну а дальше откровенная чушь, – закончил читать Томкару.

– Ничего себе! – удивился внимательно слушавший отца Вагард.

– Почему ты так удивлен, сын?

– Я знаю сестер Хаэрс, – ответил тот. – Они никогда бы не

пошли в Храм с каким-то неизвестным аристо, ко всему прочему человеком. Да и не до того им было, чтобы крутить любовь. После гибели отца десять лет назад вся тяжесть клановых дел свалилась на их с братом плечи. А когда последний исчез на Костяных Порогах во время очередного конфликта с теократами, то девчонки остались фактически вдвоем на всем хозяйстве.

–Хм, возможно, – не стал спорить Томкару. – Вот только эта новость – не глупая выдумка великоградских писак, – покачал он головой. – Мой информатор сообщил, что факт таинства действительно был.

–Тогда это пахнет дерьмом, – скривился Вагард.

–ВАГ!

–СЫН!

–ГРЕСС ДАГАРОН! – в один голос воскликнули возмущённые жены Главы.

–Да ладно, мамы, – отмахнулся тот. – Я называю вещи своими именами.

–Поясни, – заинтересовался отец и одним жестом руки погасил возмущение своих жен.

–Охотно, но только после того, как ты мне ответишь на один небольшой вопрос. Вернее два вопроса.

–Попробую.

–От какого числа газета?

–Как от какого? – удивился отец. – Самая свежая.

–Сегодня середина декады, – стал подсчитывать Вагард. –

Газета выходит в первый день каждой новой. Следовательно, с остатного дня прошлой декады прошло пять суток. Второй вопрос, вот какой, – закончив с нехитрой арифметикой, посмотрел он на отца. – Скажи, твой информатор какой-либо активной деятельности девушек после таинства не наблюдал?

–Какой именно?

–Да любой: от заключения новых соглашений с другими кланами до сборов отрядов для выхода за Пелену.

–Понятно, – кивнул Томкару. – Нет, за девицами Хаэрс ничего такого замечено не было. Наоборот, они отгородились ото всех за стенами своего родового особняка, собравшись в нем практически всем составом клана. А теперь, мы все же желаем услышать твои умозаключения.

–Охотно, – скрестив на груди руки и отодвинувшись от стола, кивнул тот. – Как мы все знаем, глава клана Хаэрс погиб в дневном пути от Великограда, когда возвращался из нашего города с совета кланов, куда был приглашен не просто как наблюдатель, но и с правом совещательного голоса. Клановый отряд был атакован непонятно как проникнувшими за Пелену химерами. Подобных случаев до того самого рокового дня просто не было зафиксировано. Вместе с главой погибли и лучшие воины клана. Еще тогда мне показалась странной вся эта история.

–В чем именно заключались странности? – первой среди внимательно слушавших родственников задала вопрос Кри-

ста. – И почему о них ты говоришь только сейчас?

–А меня никто не спрашивал, – пожал плечами Вагард. – А странность вот в чем. «Стригали», что напали на них, никогда не встречаются рядом с Пеленой. Только глубоко в Сумеречных Землях, и то довольно редко. Это не просто химеры – это боевые химеры, выведенные перед последней войной специально для борьбы с приамами. По крайней мере, так нам преподавали в школе егерей. Две клешни с зазубренными кромками, к тому же пропитанные трупным ядом, сильный длинный хвост с лезвиями на конце, хитиновый панцирь – это не безобидные баркадары.

–Когда это баркадары стали безобидными для тебя? – ухмыльнулась все та же Криста.

–Когда он научился с одного удара своей «малышки» разваливать их на две части, – с гордостью за брата пояснила Банията. – Хруп, чмок и куда пятак, куда окорок с хвостом.

–Силен! – уважительно кивнул Барест.

–Вы слушать будете? – посмотрел на них парень.

Восторги к самому себе по поводу своего ранга в искусстве Боя он давно перестал испытывать. Почему-то казалось, что тому же Валоду, встреченному им с сестрой десять лет назад в Сумеречных Землях, он был на один зуб. Ну, может, и не на зуб, но жевать его долго тот точно бы не стал.

–Продолжай, сын, – строгим взглядом прервал болтовню отец.

–Так вот, – благодарно взглянув на родителя, продолжил

Вагард. – Надежды тогдашних химерологов на эти создания не оправдались. Приамы успешно убивали их, как и всех остальных. И даже более рьяно, так как они были наиболее опасными. Поэтому и выбили их почти подчистую. Сейчас, чтобы встретиться с ними, нужно забраться в самое сердце Сумеречных Земель, и то, если удача улыбнется тебе. А тут за Пеленой. Это первая странность.

Вагард отпил из глубокой чаши еще не остывшего цикра и продолжил:

–Странность вторая – повреждения на убитых химерах. Как мы опять же знаем, клан Хаэрсов никогда не мог похвастаться большим количеством магов. Ни тогда, ни сейчас, после гибели Суворса и его отряда. Если мне не изменяет память, их осталось всего четыре.

–Но у них всегда были неплохие воины, – внес свое замечание Гутараг.

–Согласен, брат, – кивнул Ваг. – Именно поэтому химеры были в основном убиты сталью. Всего особей было четыре, и изрублены они были так, что их точное количество смогли сосчитать только по сумме конечностей, оставшихся от них в результате боя. Но... – сделал он многозначительную паузу и поднял руку с выставленным вверх указательным пальцем.

–Да, хватит тянуть, – в нетерпении воскликнула Имелда. – Дознаватель доморощенный. Я сейчас от любопытства лопну.

–Ты лопнешь от следующего пирожного, – улыбнулся тот,

увидев, как увлеченная рассказом сестра подвигает к себе тарелку со сладостью от сидевшей рядом Кристи.

–Эй, милая, это мое, – вырвала та почти ускользнувшую вкусняшку и повернулась к брату. – Ваг, ну правда, не тяни.

–На месте боя в некоторых осколках хитинового панциря были обнаружены отверстия, что оставляют «Колья Гранита». Я показывал Бяте один кусочек, и она подтвердила, что да – это результат воздействия одного из самых любимых ею заклинаний, – не стал больше тянуть Вагард.

–Ну и что? – пожала плечами Имелда, облизывавшая пустую десертную ложку.

–А то, сестренка, – вместо брата ответила Банията. – В тогдашнем отряде Суворса был только один маг – он сам, а этот разумный больше тяготел к заклинаниям на основе воздуха. Он просто не смог бы сплести «Колья гранита».

–Хорошо, – согласилась Криста. – Но к чему вы об этом заговорили?

–Жена, ты меня удивляешь, – покачал головой Лоджер, статный сумеречный эльф. – Все же ясно как белый день. Была еще и третья сторона, которая подчищала за собой.

–То есть это было спланированное нападение? – вместо Кристи удивилась Имелда.

–Именно, – кивнул Вагард. – Лоджер прав, кто-то ждал итогов боя, а потом выставлял случившееся за случайное нападение. Возможно, добивал выживших. Даже наверняка добивал.

–Ну, допустим, – нехотя согласилась неугомонная Криста, единственный оппонент рассказчика. – Но как это все соотносится с теми событиями, о которых нам поведал отец? И откуда ты все это узнал?

–Узнал от самих Хэльды и Альтивы. Я был приглашен в состав комиссии, когда они сдавали на ранг Мастера Боя. Приятные девушки. Они мне и передали кусочек хитина с отверстиями, который я показал Бяте. А дальше все совсем просто. Клан Хаэрсов ослабел и стал стремительно терять свое влияние в Великограде. Как девчата не стремились переломить ситуацию, ничего не получалось. А с пропажей их брата Итэля стало совсем плохо. И тут – таинство в Храме Небесного Гончара с никому неизвестным аристо.

–Ну и что? – не поняла девушка.

–Да то, – припечатал брат. – Если бы они и решились на этот шаг, то сделали бы все, чтобы усилить клан. А значит, вышли бы замуж за аристократа из сильной и влиятельной семьи. А такие сейчас только среди клановых. И после замужества не стали бы прятаться, а наоборот, развили бы бурную деятельность, показывая всем вокруг, что клан жив и дееспособен. Вот я и говорю, что вся эта история попахивает дерь... – он взглянул на нахмурившихся матерей и закончил. – Воняет, короче, от всего этого.

–Браво, мой мальчик, – пару раз хлопнул в ладоши Барест Томкару. – Я всегда знал, что ты очень способный. А вам всем, – обвел он взглядом младшее поколение, – нуж-

но учиться читать между строк, сопоставлять известные и маловероятные факты и делать правильные выводы. Может, и заинтересованных в ослаблении Хаэрсов назовешь? – Посмотрел он на младшего сына.

–Клан Скамма, – коротко ответил тот.

–Обоснуй.

–Всем известно, что клан Мальпа у этих торгашей в долгах с головой. Хаэрсы ослабли. Скамма фактически остаются единственной силой в Великограде.

–И еще раз браво, – удовлетворенный коротким выводом, кивнул Глава семьи. – Именно к таким мыслям пришел и я. Пока идет только передел зон влияния, но это только начало. Вроде бы, где Великоград и где мы? Но дурной пример заразителен, мои родные. Поэтому даже в самом малом клан Дагарон и мы как его главенствующая семья не должны показывать свою слабость.

В обеденном зале на некоторое время повисло молчание. Кто-то ковырял ложечкой в остатках десерта, кто-то гонял по дну чашки гущу цикра, кто-то просто смотрел на игру солнечных лучей в гранях хрустальных бокалов и полупустых кувшинов. Мысли абсолютно всех сейчас крутились вокруг услышанной информации. Если эти выводы хотя бы вполнину верны – Семиградье ждут перемены. Большие или малые, пока не известно. Но какие бы они не были, очень часто они сопровождаются пролитой кровью.

Дверь в обеденный зал распахнулась так резко, что чуть

не сшибла стоявшего рядом с ней бесплотной тенью мажордома семьи. В сторону стола широкими шагами стремительно прошел молодой беркат, приложился к первому попавшемуся ему под руку кувшину, а потом на одном дыхании выпалил.

–Дед, на Тохос-Гребне зафиксированы эманации Прорыва.

–Подробнее, – тут же вскочил со своего места Томкару Барест.

–Направление на север, дальность – стандартный пятидневный переход, – по-военному четко стал докладывать внук. – Разведка выслана. Есть первые данные от тамошних гарпий: среди демонов пока замечены только «пересмешники» и «пузаны», но их довольно много. Несколькими группами пытаются найти тропы в Семиградье в обход Трехзубого Перевала. Сами пернатые теткы в панике уходят в глубь пещер.

От недавней задумчивости за столом не осталось и следа. Младшая поросль семьи, притихшая на время в углу зала, вдруг вскочила и устремилась к своим родителям, будто ища защиты. Мужская половина непроизвольно стала искать на поясах рукояти режуще-колющих орудий убийства. Женщины, расставив руки, словно наседки крылья, старались уже сейчас укрыть от возможной опасности подбегающих детей. Одаренные закатывали глаза, вспоминая все самые сильные свои заклинания из боевых ветвей, что им по-

надобятся в предстоящей схватке. То, что она будет, никто уже не сомневался.

– Барест, – посмотрел на старшего сына отец. – Тревожный маяк главам всех кланов. «Пересмешники» – это разведка и так понятно. А вот, что за ними «пузаны» идут – это уже плохо. Значит, и «мясники» с «палачами» на подходе. Возможно, и «погонщики»² будут.

– Эманафии офень сильные, – прочавкал парень, что уже успел что-то кинуть со стола в рот. – Даже мне поплохело на Трехзубом. А наш отрядный маг вообще отрубился на четверть часа.

Глава семьи кивнул, принимая информацию, и снова обратился к старшему сыну.

– От каждого клана требуй три десятка воинов при поддержке минимум пары магов. Срок сбора – сутки. Холмградских Глав оповещу сам – это наша земля, и тремя десятками воинов от клана мы не обойдемся. Том, – повернулся он к внуку. Так уж завелось, что самый старший в каждом из поколений Дагаронов носил имя деда. – Когда зафиксировали Прорыв?

² «Пересмешники», «мясники», «пузаны», «погонщики», «палачи» – здесь и далее, принятые в Семиградье названия видов демонов. — *Прим. автора.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.